

**РУССКАЯ ИСТОРИЯ  
ВЪ КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХЪ  
ОЧЕРКАХЪ**

**М. А. ГАРРИСЪ.**

**ЗИНАИДА ВОЛКОВСКАЯ  
И ЕЯ ВРЕМЯ.**

**МОСКВА  
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО  
К. Ф. НЕКРАСОВА**

А

М



М. А. ГАРРИСЪ.

ЗИНАИДА ВОЛКОНСКАЯ  
И ЕЯ ВРЕМЯ.



МОСКВА.  
Издательство К. Ф. Некрасова.  
МСМХVI.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ К. Ф. НЕКРАСОВА ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

## ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Княгиней Зинаидой Волконской не занималась спеціально ни русская исторія, ни исторія русской литературы. У насъ даже нѣтъ сколько-нибудь полной біографіи ея. Сочиненія Зинаиды Волконской—библіографическая рѣдкость. А между тѣмъ имя ея встрѣчается то здѣсь, то тамъ въ произведеніяхъ нашихъ лучшихъ поэтовъ, въ перепискѣ и въ воспоминаніяхъ первой половины XIX в. И немудрено. Яркая, одаренная, интересная, какъ личность сама по себѣ, Зинаида Волконская привлекаетъ наше вниманіе проявившимися въ ея жизни, воспитаніи и привычкахъ чертами, характерными для дворянской культуры и, въ частности, для русской аристократіи первыхъ десятилѣтій XIX вѣка.

Поднявшись въ своемъ духовномъ развитіи до вершинъ умственной и художественной жизни своего времени, Зинаида Волконская объединяла вокругъ себя, въ своемъ салонѣ, въ своей перепискѣ, выдающіяся художественныя и умственные силы своего времени, приобщая къ ихъ интересамъ и обществу и такіе элементы, которые по своему положенію или личнымъ вкусамъ были далеки отъ нихъ. Съ этой точки зрѣнія настоящій очеркъ жизни Зинаиды Волконской является показательной и яркой страницей изъ быта высшихъ слоевъ современнаго ей общества—не только аристократіи рода, но и духа, и это тѣмъ болѣе, что авторъ настоящей брошюры рисуетъ образъ своей героини на фонѣ общественной жизни

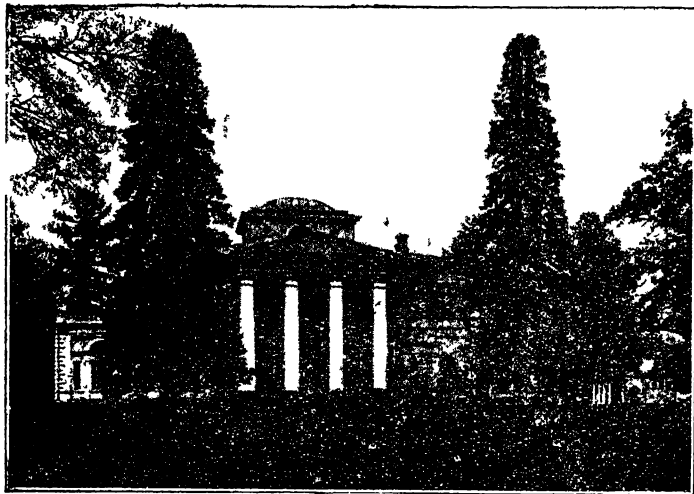
высшаго общества той поры, его вкусовъ, интересовъ и бытовой обстановки, на основаніи тщательно собранныхъ, отчасти новыхъ матеріаловъ.

Помимо того, Зинаида Волконская близко стояла къ выдающимся событіямъ и дѣятелямъ ея времени, и потому небезынтересно прослѣдить, какъ въ ея чуткой душѣ отражались переживанія такихъ событій, какъ отечественная война, наступившая затѣмъ реакція и мистическое настроеніе, судъ надъ декабристами и николаевскій режимъ.

Въ приложеніи къ брошюрѣ помѣщается между прочимъ „отрывокъ изъ письма Зин. Волконской къ бар. Меріану“ о смерти Александра I; отрывокъ представляетъ интересъ въ виду придворныхъ связей и дружеской близости З. Волконской къ самому Александру, относившемуся къ ней съ характернымъ для него рыцарскимъ преклоненіемъ. Отрывки изъ литературныхъ произведеній З. Волконской, рисующіе ее какъ писательницу, даются частью на французскомъ языкѣ (съ переводомъ) въ виду того, что тонкость и изящество ея пера могутъ почувствоваться только на этомъ языкѣ, которымъ она владѣла какъ роднымъ, тогда какъ родной русскій языкъ она должна была прилежно изучать, но съ небезукоризненными успѣхами, о чемъ свидѣлствуютъ ея русскія произведенія: черта, типичная для большинства людей „ея круга“. Наконецъ, приводимыя здѣсь стихотворенія поэтовъ-современниковъ, посвященныя З. Волконской, наглядно показываютъ, чѣмъ она была для своего времени и своихъ вдохновенныхъ друзей.

КНЯГИНЯ З. А. ВОЛКОНСКАЯ.

Въ Москвѣ на Тверской, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь помѣщается большой фруктовый магазинъ (Елисеѣва), гдѣ взадъ и впередъ суетливо бѣжитъ занятая своими забо-



Фасадъ дома временъ Александра I-го.

тами пестрая городская толпа, стоялъ, выдѣляясь красивымъ фасадомъ, великолѣпный дворецъ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ.

Въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка этотъ дворецъ былъ самымъ интереснымъ, самымъ привлекательнымъ угол-

комъ Москвы. По вечерамъ ярко свѣтились его окна, а у подъезда тѣсной толпой стояли вереницы экипажей. Одна за другой подъѣзжали кэ-реты, и ливрейный лакей, поспѣшно отворяя дверцу, высаживалъ то пожилого савонника, то закутанную въ мѣха даму, то совсѣмъ еще юнаго московскаго барича. Рядомъ съ „собственными выѣздами“ стояли и наемные экипажи и болѣе скромные посѣтители также увѣренно входили въ освѣщенный подъездъ.

Сбрасывали на руки лакеямъ шубы и поднимались по широкой лѣстницѣ военные въ шитыхъ мундирахъ, статскіе во фракахъ съ высокими галстуками; съ характерными прическами того времени, съ бритыми лицами. Среди русскихъ фізіономій можно было замѣтить смуглыхъ черноглазыхъ итальянцевъ; звучала французская рѣчь, смѣшиваясь съ русской... Въ многочисленной толпѣ гостей царило оживленіе и изящная свѣтская непринужденность.

Они шли по заламъ, украшеннымъ фресками, драгоценными статуями, картинами, межъ стройныхъ мраморныхъ колоннъ по сверкающему паркету, почтительно склоняясь передъ дамами, дружески привѣтствуя мужчинъ.

Въ блестящей толпѣ глаза cadaго входящаго искали прежде всего хозяйку дома. И не только свѣтскій этикетъ заставлялъ ихъ пробираться среди приглашенныхъ къ тому мѣсту, гдѣ стояла она, окруженная кольцомъ почитателей и друзей... На лицахъ приближавшихся къ ней вспыхивала радостная улыбка, когда сквозь общій говоръ прорывались звуки мягкаго чарующаго контральта...



— „Это она! Княгиня Зенеида...“

Княгиня Зинаида Александровна Волконская, прозванная „Съверная Коринна“... Красавица съ глубокими какъ небо и какъ небо голубыми глазами, несущая съ собою



Кн. З. А. Волконская.

стихию вдохновенія, подчиняющая себѣ сердце каждаго блескомъ ума, даровитости, исключительнымъ обаяніемъ своего нравственнаго облика...

Она была самѣмъ изящнымъ цвѣткомъ нашей дворянской культуры, достигшей своего наибольшаго блеска

въ началѣ прошлаго столѣтія; она была коронована вдохновеніемъ лучшихъ поэговъ того времени; около нея вѣяла и трепетала атмосфера искусства...

Вечера въ ея знаменитомъ салонѣ слагались изъ тысячей творческихъ блестокъ въ цѣлыя художественныя поэмы; здѣсь не было ни сплетенъ, ни картъ, ни пошлой болтовни...



Зимой 1826 года салонъ Зинаиды Волконской особенно блистала, благодаря присутствію Пушкина, недавно вернушагося изъ Псковской ссылки, и знаменитаго польскаго поэта Адама Мицкевича. Москва чествовала ихъ обоихъ наперерывъ, вечера смѣнялись одинъ за другимъ въ наиболѣе видныхъ московскихъ домахъ.

Но 27 декабря 1826 года въ домѣ княгини З. А. Волконской происходило нѣчто непохожее на обычныя собранія ея друзей и знакомыхъ.

Правда, гости, какъ прежде, переполняли ярко освѣщенный домъ; музыка и пѣніе звучали не переставая, звучали особенно выразительно, но печальное настроеніе царило среди большинства приглашенныхъ, печальна была и сама Зинаида Александровна.

Грусть, охватившая гостей и хозяйку, не была случайна. Княгиня устраивала у себя въ домѣ концертъ, собравшій почти всю музыкальную Москву, съ совершенно исключительной цѣлью. Она прощалась съ одной изъ добровольныхъ изгнанницъ, тѣхъ „русскихъ женщинъ“, самоотверженный подвигъ которыхъ навсегда запечатлѣлся и въ нашей поэзіи, и въ нашей исторіи. Въ

этотъ день, 27-го декабря 1826 года въ ея домѣ появлялась первый и послѣдній разъ княгиня Марія Николаевна Волконская, жена декабриста, которая слѣдовала въ Сибирь за своимъ мужемъ. \*)

Присутствіе кн. М. Н. Волконской принесло живое напоминаніе о трагической судьбѣ участниковъ декабрьскаго движенія, которые приговоромъ судей Императора Николая I были брошены въ „мрачныя пропасти земли“, брошены почти безъ надежды на возвращеніе.

Кн. Марія Николаевна, которой тогда едва минуло двадцать лѣтъ, разрывала со всѣмъ своимъ прошлымъ: съ средой, въ которой выросла и жила, съ положеніемъ въ свѣтѣ, съ богатствомъ, съ привычными интересами... Но тяжелѣе всего была для нея разлука съ ребенкомъ, котораго она оставляла въ семьѣ своего отца, и разлука съ отцомъ, заклинавшимъ ее и мольбами, и угрозами не ѣхать, не хоронить себя заживо въ страшной ссылкѣ...

Перестрадавшая всѣ муки прощанія съ близкими и прежней жизнью, кн. Волконская, пріѣхавъ въ Москву, уже была оторвана отъ нея. Она являлась чело́вѣкомъ изъ другого міра. Какія слова сочувствія и утѣшенія можно было сказать ей, чтобы они не звучали фальшиво? Какъ подойти къ ея душѣ, чтобы не причинить еще сильнѣйшей боли?..

Надо было обладать рѣдкой глубиной сердца и исключительной чуткостью, чтобы мягко и осторожно при-

---

\*) Кн. М. Н. Волконская (урожденная Раевская) была замужемъ за Сергѣемъ Григорьевичемъ Волконскимъ, роднымъ братомъ Никиты Григорьевича Волконскаго, мужа Зинаиды Александровны.

коснуться къ открытымъ ранамъ и, не оскорбляя святости страданій, по мѣрѣ силъ утолить ихъ остроту. Княгиня Зинаида Александровна, у которой по пріѣздѣ въ Москву остановилась ея несчастная невѣстка, сумѣла придать послѣднему прощанію съ нею необыкновенно выразительный и трогательный характеръ. Сердцемъ женщины угадывая горе добровольной изгнанницы, она отозвалась на него какъ истинная артистка. Зная, что М. Н. Волконская любитъ музыку, Зинаида Александровна напутствовала отъѣзжавшую великолѣпнымъ концертомъ.

Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ вечерѣ одинъ изъ присутствовавшихъ на немъ, заноса на листки дневника свои неуспѣвшія еще сгладиться впечатлѣнія \*).

„Вчера я провелъ вечеръ незабвенный для меня. Я видѣлъ во второй разъ и еще болѣе узналъ несчастную княгиню Марію Волконскую, коей мужъ сосланъ въ Сибирь, и которая 6-го января сама отправляется въ путь вслѣдъ за нимъ.

„...Она чрезвычайно любитъ музыку. Музыка одна только и можетъ согласоваться съ ея чувствами въ теперешнемъ ея положеніи. Когда въ часъ роковой всѣ надежды наши утрачены, когда коварная судьба поймала насъ въ ужасные свои ковы и прошедшее и настоящее блаженство однимъ ударомъ пресѣчены, когда воспоминаніе о немъ становится источникомъ слезъ объ его утратѣ... что же согласнѣе музыки можетъ раздаваться

\*) Этотъ рассказъ написанъ лицомъ, видимо, довольно близкимъ къ кн. З. А. Онъ сохранился въ бумагахъ покойнаго А. В. Веневитинова и найденъ и восстановленъ М. А. Веневитичовымъ.

въ душѣ нашей, тогда какъ всѣ струны нашего сердца  
растроганы и сливаются въ одинъ вѣчный звукъ печали?

„Она, въ продолженіе цѣлаго вечера, все слушала, какъ



Кн. М. Н. Волконская.

пѣли, и когда одинъ отрывокъ былъ отпѣтъ, то она  
просила другого. До двѣнадцати часовъ ночи она не  
входила въ гостиную, потому что у К. З. (княгини Зи-  
наиды Александровны Волконской) много было гостей,

но сидѣла въ другой комнатѣ за дверью, куда къ ней безпрестанно ходила хозяйка, думая о ней только и стараясь всячески ей угодить. Отрывокъ изъ „Agnes“ del Maestro Раѣг былъ пресѣченъ въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ несчастная дочь умоляетъ еще несчастнѣйшаго родителя о прощеніи своемъ. Невольное сближеніе злосчастія Агнесы или отца ея съ настоящимъ положеніемъ невидимо присутствующей родственницы своей отняло голосъ и силу у К. З., а бѣдная сестра ея по сердцу принуждена была выдти, ибо залилась слезами и не хотѣла, чтобы это примѣтили въ другой комнатѣ: ибо въ такомъ случаѣ всѣ бы ее окружили, а она страшится, чуждается свѣта, и это понятно.

„Остатокъ вечера былъ печалень. Легкомысленнымъ, безъ сомнѣнія, показался онъ скучнымъ, какъ ни старались прерывать глубокое мрачное молчаніе нѣкоторыми шутивными дуэтами. Но человѣкъ съ чувствомъ, который хоть изрѣдка уже привыкъ обращаться на самого себя и относить къ себѣ все, что его окружаетъ, необходимо долженъ былъ думать, много думать. Я желалъ въ то время, чтобы всѣ добрые стали счастливыми, а собственное впечатлѣніе сего вечера старался я увѣковѣчить въ себѣ самомъ. Но подобныя движенія души и безъ того не пропадутъ. Когда всѣ разѣхались и осталось только очень мало самыхъ близкихъ и вхожихъ къ К. З., она (кн. М. Н. Волконская) вошла сперва въ гостиную, сѣла въ уголь, все слушала музыку, которая для нея не переставала, восхищалась ею, потомъ робко приблизилась къ клавибордамъ, смѣла уже глядѣть на тѣхъ, которые возлѣ нихъ стояли, сѣла на диванъ, говорила ти-

химъ голосомъ очень мало, изрѣдка улыбалась; иногда облако воспоминаній и ожиданій затмевало ея глаза, но она обѣими руками закрывала тогда свое лицо и старалась побѣдить свое чувство. Она всѣхъ просила ей спѣть что-нибудь, простодушно увѣряя, что память этого участія, которое принимаютъ въ ея положеніи, облегчитъ ей трудный путь въ Сибирь. И до меня очередь дошла. Я пѣть не умѣю, но отказать ей не смѣлъ и кой-какъ проворчалъ ей дуэтъ изъ „Донъ-Жуана“. Одному пѣть у меня тогда бы голоса не достало.

„...Для нея велѣла К. Э. изготовить ужинъ, ибо становилось уже поздно и примѣтно было, что она устала, хотя она сама въ этомъ не сознавалась... Я возвратился домой съ душою полною и никогда, мнѣ кажется, не забуду этого вечера.“

Не забыла этого вечера и сама кн. М. Н. Волконская. Подводя въ своихъ „Запискахъ“ итоги всему пережитому въ теченіе своей трагически сложившейся жизни, она съ благодарностью вспоминаетъ о задушевномъ вниманіи къ себѣ княгини Зинаиды Александровны, такъ тонко и красиво проявленномъ.

„Въ Москвѣ я остановилась у Зинаиды Волконской, моей третьей невѣстки; она меня приняла съ нѣжностью и добротой, которыя остались мнѣ памятными навсегда; окружила меня вниманіемъ и заботами, полная любви и состраданія ко мнѣ. Зная мою страсть къ музыкѣ, она пригласила всѣхъ итальянскихъ пѣвцовъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ, и нѣсколькихъ талантливыхъ дѣвицъ московскаго общества. Я была въ восторгѣ отъ чуднаго итальянскаго пѣнія, а мысль, что я слышу его въ по-

слѣдній разъ, еще усиливала мой восторгъ. Въ дорогѣ я простудилась и совершенно потеряла голосъ, а пѣли именно тѣ вещи, которыя я лучше всего знала; меня мучила невозможность принять участіе въ пѣніи. Я говорила имъ: „Еще, еще, подумайте, вѣдь я никогда больше не услышу музыки.“ Тутъ былъ и Пушкинъ, нашъ великій поэтъ...”

У кн. М. Н. Волконской осталось и вещественное воспоминаніе о княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ. Пріѣхавъ въ Иркутскъ и разобравъ свои вещи, М. Н. неожиданно нашла среди нихъ подарокъ своей чуткой невѣстки: „моему удивленію и восторгу не было предѣла, когда я увидѣла клавиорды, которые милая Зинаида Волконская велѣла привязать сзади моей кибитки тихонько отъ меня. Это вниманіе было мнѣ тѣмъ болѣе цѣнно, что въ то время во всемъ Иркутскѣ имѣлось лишь одно фортепьяно, которое принадлежало губернатору. Я сѣла играть и пѣть и не чувствовала себя уже такой одинокой“.

Въ собраніи французскихъ произведеній кн. З. А. Волконской \*)—есть отрывокъ по вѣщеннѣй несчастной женѣ декабриста. Отрывокъ этотъ, представляющій собою нѣчто въ родѣ стихотворенія въ прозѣ, удивительно ярко характеризуетъ личность „Сѣверной Коринны“. Романтическая натура, вѣчно живущая грезами искусства, обвѣянная поэзіей звуковъ и образовъ, наполнявшихъ все въ ней и вокругъ нея, она и самую тяжелую дѣйствитель-

---

\*) „Oeuvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky, née princesse Beloselsky“, Paris et Carlsruhe, 1865.



ность воспринимала сквозь призму поэтической мечты.  
Отрывокъ вмѣсто названія озаглавленъ посвященіемъ:

„A la princesse M. V. née R.“

„O, Toi, qui vins te reposer dans ma demeure! Toi que je n'ai connue que pendant trois jours et que j'ai nommée mon ami! Le reflet de ton image est resté dans mon âme. Mes yeux te voient encore: ta haute taille se déploie devant moi comme une grande pensée et tes mouvements gracieux me semblent former la mandorle, que les anciens prêtaient aux étoiles du ciel. Tu as les yeux, la chevelure et le teint d'une fille de Gange, et ta vie, comme la sienne, porte le sceau du devoir et du sacrifice. Tu es jeune... et cependant le passé dans ton existence s'est entièrement détaché du présent; le jour a cessé pour toi, et une douce soirée n'a point amené la sombre nuit.—Elle est venue comme l'hiver de nos climats; et la terre encore brûlante, s'est couverte de neige...

„Autrefois me disais-tu, ma voix était sonore, mais les souffrances l'ont éteinte.. Et cependant j'ai entendu tes chants: ils durent encore, ils ne cesseront jamais; car tes paroles, ta jeunesse, ton regard ont des sons qui retentissent dans l'avenir.—Comme tu nous écoutais, quand nous formions des chœurs autour de toi!.. encore, encore, répétais-tu sans cesse, encore!.. demain, ni jamais, je n'entendrai plus la musique... Mais aujourd'hui tu me demande ta harpe: appuie-la sur ton cœur brisé, fais vibrer ses cordes, et que chaque son, chaque accord soit comme la voix d'un ami. Enveloppe-toi bien d'harmonie, respire-la, chante, chante toujours... Ta vie n'est-elle pas un hymne?“

„Княгиня М.(арія) В.(олконской), рожденной Р.(авеской).“

„О ты, пришедшая отдохнуть ко мнѣ! Ты, которую я знала лишь три дня и назвала своимъ другомъ! Твой образъ запечатлѣлся въ моей душѣ. Мой взоръ все еще видитъ тебя: твой высокій станъ встаетъ передо мною, какъ величавый помысль, а твои граціозныя движенія какъ-будто сливаются въ мелодію, подобную той, которой, по вѣрованіямъ древнихъ, звучали звѣзды на сводѣ небесномъ. Твои глаза, волосы, цвѣтъ твоего лица—какъ у дѣвы Ганга, и жизнь твоя, какъ и ея жизнь, отмѣчена печатью долга и жертвы. Ты молода... а твое прошлое уже навсегда оторвано отъ настоящаго; твой день угасъ, но вмѣсто тихаго вечера сразу настала темная ночь. Она пришла, какъ приходитъ зима въ нашемъ климатѣ, насылая снѣгомъ еще живую, еще не остывшую землю..

„Помнишь, ты говорила мнѣ: мой голосъ былъ звученъ, но страданія заглушили его. И все же я слышала твои пѣсни, и онѣ не замолкли и не замолкнуть никогда, потому что все въ тебѣ—твои рѣчи, твоя молодость, твой взглядъ,—все полно звуковъ, которые далеко отзовутся за гранями настоящаго... Какъ ты вслушивалась въ наше пѣніе, когда оно раздавалось около тебя!.. Еще! Еще! повторяла ты, еще!.. вѣдь ни завтра, никогда потомъ не услышу я музыки... И только сегодня ты просишь у меня свою арфу: прижми же ее къ своему разбитому сердцу, ударь по струнамъ, и пусть каждый звукъ, каждый аккордъ звучитъ для тебя, какъ голосъ друга. Погрузись въ гармонію, упивайся ею, пой, пой не умолкая. Развѣ вся твоя жизнь не есть гимнъ?“

Встрѣча Зинаиды Волконской съ женой декабриста и проявленное ею участіе къ добровольной изгнанницѣ

очень характерны для этой замѣчательной личности. Въ нихъ отразился не только глубоко поэтической складъ ея натуры, возвышенной и одухотворенной, но и большая смѣлость честной, открытой души.

Надо помнить, что встрѣча эта произошла въ то время, когда еще не успѣли затихнуть раскаты грозы, разразившейся надъ участниками декабрьскаго возстанія и ихъ друзьями и единомышленниками. Помимо лицъ, подвергшихся прямому осужденію—сосланныхъ и казенныхъ,—значительная часть тогдашняго образованнаго общества находилась подъ подозрѣніемъ. Декабристы—представители лучшей части наиболѣе вліятельнаго русскаго дворянства—были связаны слишкомъ близкими узами родства и дружбы съ верхними общественными слоями, чтобы можно было вырвать „мятежные“ побѣги, не потревоживъ самага корня. Запуганное репрессіями общество молчало, но и въ самомъ молчаніи его чувствовалось, если не идейная солидарность съ осужденными, то глубокое участіе и состраданіе къ нимъ. И правительство императора Николая I, ошеломленное готовившимся переворотомъ, не знавшее мѣры въ своемъ служебномъ усердіи, насторожилось. Отъ III-го отдѣленія не могло ускользнуть скрытое участіе къ печальной судьбѣ осужденныхъ; въ малѣйшемъ знакъ вниманія къ нимъ оно было готово видѣть измѣну, и потому всякій, хотя бы косвенно проявлявшій свою симпатію къ сосланнымъ, подвергалъ себя иногда значительному риску. Были печальные примѣры полнаго отреченія отъ осужденныхъ со стороны наиболѣе близкихъ родственниковъ, которые изъ чувства страха или угодливости передъ

знаиада волконская и ея время.

властями теряли и честь, и достоинство, и элементарное чувство человѣческой жалости \*).

Устраивая такое открытое честв ваніе жены политическаго ссыльно-каторжнаго, какою являлась М. Н Волконская, княгиня Зинаида Александровна могла навлечь на себя серьезныя неприятели тѣмъ болѣе, что въ то время она находилась подъ негласнымъ надзоромъ полиціи. Въ доносеніи тогдашняго директора канцеляріи М. М Фока къ шефу жандармовъ генералу А. Х Бенкендорфу отъ 9-го августа 1826 года о ней значится: „Между дамами самая непримиримая и всегда готовая разорвать на части правительство—княгиня Волконская и генеральша Коновницына. Ихъ частныя кружки служатъ средоточіемъ всѣхъ недовольныхъ; и нѣтъ брани злѣе той, которую онѣ извергають на правительство и его слугъ“.

Конечно, отзывъ этотъ характеризуетъ не столько политическую неблагонадежность кн. Волконской, сколько болѣзненную мнительность тогдашней администраціи, но онъ въ достаточной степени показываетъ, какъ мало обращала вниманія Зинаида Александровна на возможность какихъ-либо неприятныхъ осложненій въ тѣхъ случаяхъ, когда она хотѣла проявить близкимъ и симпатичнымъ ей людямъ свое вниманіе и сочувствіе.

Въ ея салонѣ,—умственномъ и художественномъ центрѣ тогдашней Москвы—однимъ изъ наиболѣе почетныхъ и любимыхъ гостей былъ другой „опальный“ человѣкъ—знаменитый польскій поэтъ Адамъ Мицкевичъ. Жизнь въ

---

\*) См. „Записки П. Е. Анненковой (Pauline Gueble)“.

Москвѣ для Мицкевича была своего рода ссылкой, такъ какъ ему было запрещено возвращаться на родину. Лучшая часть московскаго общества наперерывъ старалась выразить свое уваженіе поэту. Ему былъ устроенъ горячій пріемъ; наши поэты посвящали ему стихи. Княгиня Волконская своей чуткой душой угадывала страданія оторваннаго отъ родины писателя, понимала боль уязвленнаго чувства патріотизма. Она умѣла цѣнить въ немъ не только генія польскаго народа, но и человѣка. Мицкевичъ платилъ ей восторженнымъ поклоненіемъ, восхищаясь ея умомъ, разносторонними талантами, безпредѣльнымъ изяществомъ ея тонкой художественной натуры.

Къ сожалѣнію, крайняя скудость и отрывочность біографическихъ свѣдѣній о княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ не даетъ возможности полнѣе узнать о ея дружеской близости съ польскимъ поэтомъ. Несомнѣнно только одно: что ихъ отношенія не носили характера обыкновеннаго свѣтскаго знакомства. Это была искренняя духовная связь двухъ людей, глубоко дорожившихъ другъ другомъ. Въ произведеніяхъ \*) княгини Волконской сохранился слѣдъ этой дружбы въ видѣ отрывка „Portrait de Mickiewicz“ („Портретъ Мицкевича“), написаннаго въ Москвѣ въ 1828 году. Въ этомъ отрывкѣ такъ же, какъ и въ посвященіи М. Н. Волконской, чувствуется повышенный романтизмъ автора. „Кто этотъ человѣкъ,— спрашиваетъ она,—который носитъ на челѣ своемъ печать сожалѣнія даже среди пировъ и празднествъ? Можетъ быть, онъ одинокъ на землѣ? Нѣтъ... Взгляды дру-

---

\*) Французскихъ сочиненіяхъ: „Oeuvres choisies...“

зей устремлены на него..." Дальше она перебирает причины, которые могли бы вызвать в нем эту печаль: страсти, честолюбие, преждевременно замолкшая лира... Но нѣтъ. Его душа чиста и свободна, его сердце, отзывчивое на все прекрасное, полно стремлений къ правдѣ, къ добру... Въ немъ живетъ геній... И она угадываетъ тоску поэта: „Кто-то въ его присутствіи произнесъ имя чужой страны... чужой для насъ..., священной для него. Въ той странѣ его мать утерла его первую слезу, тамъ впервые его сердце узнало любовь, тамъ взлелѣялся его геній, и высокіе помыслы о родинѣ сдѣлали его поэтомъ“. Зинаида Александровна угадала страданія пламеннаго патріота... Это вниманіе, несомнѣнно, для Мицкевича было дороже всѣхъ почестей и лавровъ его таланту.

Для насъ странно и необычно звучитъ въ переводѣ этотъ возвышенный стиль посвященія, но онъ для всѣхъ былъ тогда единственнымъ литературнымъ языкомъ, а для княгини Зинаиды тѣмъ болѣе. Въ торжественныхъ фразахъ, обращенныхъ къ Мицкевичу, нѣтъ и тѣни натяжки или неискренности. Такъ думала, такъ чувствовала и такъ выражалась эта женщина, которую жизнь съ перваго момента ея рожденія и до послѣдняго вздоха переселила изъ дѣйствительности въ міръ фантазіи и мечты. Приподнятая надъ обыденностью своимъ романтическимъ міросозерцаніемъ, она даже въ періодъ тяжелыхъ страданій и лишеній такъ и не спустилась на землю... Мицкевичъ не могъ не цѣнить этой искренности. Несомнѣнно, присутствіе Зинаиды Волконской успокаивало, оживляло и вдохновляло его. Въ ея присутствіи лились его геніальныя импровизаціи. Ей посвятилъ онъ одно

изъ своихъ лучшихъ поэтическихъ произведеній „Рокѳ грекскі“ (греческая комната), написанное въ ея домѣ въ 1827 году. Посылая ей собраніе своихъ „Крымскихъ сонетовъ“, онъ перевелъ для нея посвященіе съ польскаго языка на французскій.

„O Poésie! tu n'es pas l'art de peindre! Quand je veux peindre, pourquoi mes pensées ne peuvent-elles paraître qu'à travers les palores d'une langue étrangère, comme les prisonniers à travers les barreaux de fer qui cachent et defigurent leurs traits.

„O Poésie! tu n'es pas l'art de chanter, car mes sentiments n'ont pas la voix qui puisse être comprise: ils sont comme des ruisseaux souterrains dont personne n'entend jamais le bruit.

„O Poésie ingrate! tu n'es pas même l'art d'écrire: j'ai écrit des vers et je lui offre ces feuilles. Elle n'y verra que des signes incompréhensibles, que des notes d'une musique, qui, hélas ne sera jamais exécutée“.

„О, поэзія! Въ тебѣ нѣтъ искусства живописи! Когда я хочу живописать, мои мысли остаются скрытыми въ словахъ незнакомаго (ей) языка, подобно узникамъ, выглядывающимъ изъ-за желѣзныхъ рѣшетокъ, которыя скрываютъ и искажаютъ ихъ черты.

„О, поэзія! Ты далека и отъ искусства пѣвцовъ, потому что мои чувства не обладаютъ звукомъ голоса: они подобны подземнымъ ручейкамъ, журчанія которыхъ никто не слышитъ.

„О, поэзія неблагодарная! Ты даже не можешь быть выражена и писаніемъ, ибо я пишу стихи, а ей отдаю только эти листки. Она увидитъ на нихъ лишь непонят-

ные знаки, точно ноты невѣдомой музыки, которая никогда не зазвучитъ“.

Дружба кн. З. А. Волконской съ польскимъ поэтомъ не ограничилась ихъ встрѣчами въ ея московскомъ салонѣ. Мы находимъ уже значительно позднѣе этого времени письмо Мицкевича \*), адресованное княгинѣ въ Ботценъ изъ Карлсруэ отъ 10-го іюля 1832 года. \*\*) Письмо это полно самой горячей симпатіи и искренней тревоги за здоровье Зинаиды Александровны, которая тогда, видимо, была серьезно больна.

„Я не могу найти объясненія вашему ужасному молчанію, которое я не въ состояніи такъ долго переносить. Я считаю дни, соображаю съ разстояніемъ, и вижу, что я уже долженъ былъ бы получить письмо изъ этого печальнаго Ботцена. Можетъ быть, вы не поняли моей послѣдней записки; она была очень неразборчива, я писалъ ее въ ужасномъ волненіи. Тѣмъ не менѣе мой внутренній голосъ, который такъ рѣдко меня обманываетъ, говорить мнѣ, что печальное предсказаніе, которое вы прибавили мнѣ къ письму Александра \*\*\*) , не сбудется, и небо сохранитъ васъ и продлитъ ваши дни, слишкомъ для насъ драгоцѣнные. Если вы все еще нездоровы, то продиктуйте хоть нѣсколько строкъ, но только подпишите ихъ своей рукой. Адресуйте въ Страсбургъ до востребованія. Я оставался въ Дрезденѣ два мѣсяца только для того, чтобы увидѣть васъ прѣздомъ; ждатель

---

\*) Письмо приводимъ въ переводѣ съ французскаго.

\*\*) Мицкевичъ уѣхалъ за границу въ 1829 г.; причемъ паспортъ на выѣздъ изъ Россіи выхлопотала ему кн. Волконская.

\*\*\*) Сына З. А.



васъ дольше мнѣ было невозможно. Я отправляюсь во Францію, чтобы дѣваться куда-нибудь—Богъ знаетъ куда, потому что пребываніе въ Парижѣ для меня невыносимо, и только неотложныя дѣла заставляютъ меня туда ѣхать. Какъ только вы будете въ состояніи продолжать ваше путешествіе, умоляю васъ, бросьте ваше печальное намѣреніе снова зарываться въ снѣгахъ Россіи, возвращайтесь въ Римъ. Можетъ быть, въ одинъ прекрасный день и мнѣ удастся предпринять туда еще одно паломничество...“

Отношенія Мицкевича съ нѣкоторыми изъ его русскихъ друзей, въ силу различныхъ обстоятельствъ, измѣнились, но симпатія и безграничное уваженіе къ княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ сохранились до конца.

Всѣхъ, кто зналъ эту исключительную женщину, влекла къ ней непреодолимая сила. Пальму первенства среди русскихъ женщинъ той эпохи она завоевала своимъ внутреннимъ обаяніемъ, обаяніемъ настолько глубокимъ, что передъ нимъ блѣднѣютъ всѣ внѣшнія данныя: красота, богатство, знатность положенія, свѣтскій тактъ.

Среди богатой аристократіи Москвы и Петербурга было немало недюжинныхъ женскихъ натуръ. Мемуары и письма того времени рисуютъ намъ иногда удивительно чарующіе образы яркихъ и одаренныхъ женщинъ, но образъ „княгини Зенеиды“ поднимается надъ всѣми ними, какъ самый драгоцѣнный цвѣтокъ среди изысканнаго букета.

Она была недолгимъ гостемъ среди „снѣговъ Россіи“, въ которые польскій поэтъ уговаривалъ ее не возвращаться, но даже это, сравнительно со всей ея жизнью, мимолетное появленіе, оставило слѣдъ и въ благодарной

памяти ея современниковъ, и въ исторіи умственнаго и художественнаго расцвѣта Москвы 20 хъ годовъ.

Пушкинъ своимъ художественнымъ чутьемъ угадалъ въ Зинаидѣ Волконской исключительную личность. Поклонникъ женской красоты, живо и страстно реагировавшій на внѣшнюю привлекательность женщины, великій поэтъ увидалъ въ княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ нѣчто большее первой свѣтской красавицы. Его преклоненіе передъ ней не было преклоненіемъ влюбленнаго; это былъ восторгъ артиста передъ талантливымъ и плѣнительнымъ образомъ, восхищавшимъ его эстетическое чувство.

Первая встрѣча Пушкина съ кн. Волконской произошла осенью 1826 года.

Пушкинъ, привезенный фельдъегеремъ императора Николая изъ своей двухлѣтней ссылки въ Михайловскомъ, явился въ Москву 8-го сентября. Общество съ интересомъ и радостью встрѣтило опальнаго поэта, прощенного и обласканнаго царемъ. Пріятель Пушкина, Соболевскій, у котораго поэтъ остановился, не замедлилъ познакомить его съ З. А. Волконской. Она очаровала Пушкина умомъ, красотой, привѣтливостью и въ тотъ же день пригласила его къ себѣ на вечеръ. Среди блестящаго общества появился поэтъ въ салонѣ „Сѣверной Коринны“.

„Помнится и слышится еще,—пишетъ кн. П. А. Вяземскій,—какъ она (кн. З. А.) въ присутствіи Пушкина и въ первый день знакомства съ нимъ пропѣла его элегію, положенную на музыку композиторомъ Геништою;

„Погасло дневное свѣтило,  
На море синее вечерній палъ туманъ...“

Пушкинъ былъ живо тронутъ этимъ обольщеніемъ тонкаго и художественнаго кокетства. По обыкновенію краска вспыхивала на лицѣ его. Въ немъ этотъ признакъ сильной впечатлительности былъ несомнѣнное выраженіе всякаго потрясающаго ощущенія.

Послѣ горячаго приѣма у З. А. для Пушкина въ Москвѣ начался рядъ овацій, которыя даже утомили его, привыкшаго къ тишинѣ жизни въ Михайловскомъ. Передъ отъѣздомъ поэта изъ Москвы 24-го октября былъ устроенъ въ честь его литературный обѣдъ, на которомъ присутствовалъ и Мицкевичъ, а также молодой поэтъ Дм. В. Веневитиновъ, Баратынскій, славянофилы И Кирѣевскій, Хомяковъ, писатель-критикъ кн. П. А. Вяземскій, Соболевскій, проф. Погодинъ. Это были самые яркіе представители тогдашняго литературнаго міра. На обѣдѣ было предложено нѣсколько темъ для поэтической импровизаціи, и „пальма первенства,—разсказываетъ кн. Вяземскій,—осталась за Мицкевичемъ, который для своихъ друзей, не знавшихъ по польски, импровизировалъ французскою прозою. Въ его импровизаціи была мысль, чувство, картина и поэтическія выраженія. Можно было подумать, что онъ читаетъ наизусть поэму, имъ уже написанную“.

Московскіе друзья Пушкина были опечалены его отъѣздомъ, имъ хотѣлось удержать его въ древней столицѣ.

29-го октября того же года кн. Зинаида Александровна пишетъ ему: \*)

---

\*) Переводъ съ французскаго.

„Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я отложила для васъ эту пару строкъ, любезный Пушкинъ; я все забываю передать ихъ вамъ, а все оттого, что когда вижу васъ, то становлюсь мачехой относительно своихъ собственныхъ чадъ. „Иоанна“ была написана для моего театра. Я исполняла эту роль и хотѣла передѣлать ее въ оперу; пришлось кончить на половинѣ Шиллеровой пьесы. Вы получите литографію съ моего (головного) портрета въ видѣ Джіованны, писаннаго Бруни. Приложите ее къ первой страницѣ и вспоминайте меня.

„Возвращайтесь! Московскій воздухъ какъ будго легче. Великому русскому поэту подобаешь писать или среди раздолья степей, или подъ сѣнью Кремля; творецъ „Бориса Годунова“ \*) принадлежитъ городу царей. Отъ какой матери родился человѣкъ, гений котораго весь— сила, изящество, непринужденность, когорый, являясь то дикаремъ, то европейцемъ, то Шекспиромъ или Байрономъ, то Аріостомъ или Анакреономъ, но всегда оставаясь русскимъ, умѣетъ переноситься отъ лиры къ драмѣ, отъ пѣсенъ, то полныхъ любовной нѣги, то простодушныхъ, то подчасъ даже суровыхъ, то романтическихъ, то ѣдкихъ,—къ важному и безыскусственному тону строгой исторіи. До скораго свиданія, надѣюсь. К. З. В.“

Въ маѣ 1827 года Пушкинъ послалъ кн. Зинаидѣ Александровнѣ свою поэму „Цыганы“ и посвященное ей стихотвореніе, въ геніальныхъ строкахъ котораго рисуется обликъ „Сѣверной Коринны“.

---

\*) Пушкинъ написалъ въ Михайловскомъ и привезъ въ Москву „Бориса Годунова“. Вѣроятно, З. А. Волконская ознакомилась еще тогда съ этимъ произведеніемъ или по рукописи, или слушая чтеніе самого поэта.

На большомъ почтовомъ листѣ крупнымъ и размашистымъ почеркомъ поэта написано это знаменитое посвященіе:

Среди разсѣянной Москвы,  
 При толкахъ Виста и бостона  
 При бальномъ лепетѣ молвы  
 Ты любишь игры Аполлона.  
 Царица музъ и красоты,  
 Рукою нѣжной держишь ты  
 Волшебный скипетръ вдохновеній  
 И надъ задумчивымъ челомъ,  
 Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,  
 И вьется и пылаеть тобой  
 Пѣвца плѣннаго тобой  
 Не отвергай смиренной дани;  
 Внемли съ улыбкой голосъ мой—  
 Какъ, мимоѣздомъ, Катагани  
 Цыганкѣ внемлетъ кочевой. . \*)

6 мая 1827.

---

## II.

Кто же была и откуда взялась эта „Сѣверная Коринна“, явившаяся какъ греза въ началѣ прошлаго столѣтія? И почему она—высокоодаренная русская женщина, восхищавшая цѣлое поколѣніе своими талантами,—

---

\*) Мы приводимъ это стихотвореніе съ сохраненіемъ правописанія Пушкина и съ помѣченной подъ нимъ датой, по оригиналу, любезно предоставленному намъ пріемной внучкой З. А., маркизой Н. В. Кампанари.

не оставила по себѣ иного слѣда, кромѣ всѣми забытаго томика новеллъ, трехъ-четырехъ стихотвореній, и нѣсколькихъ незаконченныхъ набросковъ и отрывковъ? Да и эти ея литературные опыты кажутся слишкомъ блѣдными рядомъ съ ея собственной личностью и написаны они почти сплошь на чужомъ языкѣ.

Чтобы понять личность Зинаиды Волконской и всю исторію ея жизни, надо понять женщинъ высшаго свѣта той эпохи вообще, обстановку, въ которой онѣ росли и воспитывались, атмосферу, которая ихъ окружала.

Русскія по рожденію, онѣ, эти женщины большого свѣта, *du grand monde*, воспитывались на иностранной, по преимуществу французской литературѣ, на образцахъ западно-европейскаго искусства и, несмотря на свой зачастую глубокой патріотизмъ, представляли собой оторванныхъ отъ своей страны и націи космополитокъ, которымъ Москва и Парижъ были одинаково близки и одинаково чужды, потому что у нихъ, жившихъ отдаленной мечтой, призранными поэтическими идеалами, не знавшихъ реальной дѣйствительности, не было и не могло быть настоящей, своей родины.

Въ качествѣ придворныхъ дамъ, лицъ, принадлежащихъ къ высшему сословію, онѣ принимали нѣкоторое участіе въ жизни своей эпохи, но скорѣе участіе наблюдателей, замѣчающихъ внѣшній ходъ событий, но не знающихъ ихъ корня. Въ силу своего положенія онѣ могли въ отдѣльныхъ случаяхъ пользоваться довольно значительнымъ вліяніемъ въ высшихъ сферахъ и были совершенно устранены отъ самого процесса жизни, медленно и кропотливо, но стихійно развивающейся, участіе

въ которомъ только и даетъ человѣку сознаніе своей неразрывной связи съ общимъ цѣлымъ.

Этой связи у нихъ не было, и наиболѣе чуткія изъ нихъ должны были испытывать большую внутреннюю неудовлетворенность при полномъ внѣшнемъ довольствѣ; должны были метаться изъ стороны въ сторону, разбрасываться и чего-то искать, искать точки опоры и примѣненія для своихъ духовныхъ силъ и, не находя ее, затворяться въ самихъ себѣ.

Онѣ невольно создавали внутри себя свой отвлеченный міръ, плели кружево романтической мечты, идеализировали дѣйствительность, глядя на нее „изъ прекраснаго далека“.

Настоящее, впрочемъ, въ рѣдкихъ случаяхъ могло ихъ удовлетворить; прошлое больше привлекало ихъ къ себѣ своею туманностью, можетъ быть потому, что во всякихъ воспоминаніяхъ о прошломъ есть элементъ грусти, необходимый для мечтательныхъ натуръ...

Ихъ сильно притягивала къ себѣ и религія, но не суровый аскетизмъ византійскаго христіанства, а красочный и полный поэтическихъ настроеній культъ католической церкви, который давалъ имъ одновременно и величественный экстазъ вѣры, и интимную прелесть молитвенной близости къ Богу среди благоухающихъ алтарей, въ изящныхъ капеллахъ, подъ звуки волнующей музыки органа, стройные переливы голосовъ, нѣжный звонъ серебрянаго колокольчика.

Католицизмъ былъ имъ близокъ потому, что ихъ внутренний міръ былъ построенъ на исключительно эстетическихъ основахъ. Эстетика безсознательная, почти при-

рожденная, съ дѣтства вкоренившаяся въ душѣ, была ихъ подлиннымъ символомъ вѣры, отправной точкой зрѣнія, съ кторой онѣ разсматривали и рѣшали всѣ вопросы—и нравственные, и общественные, и политическіе.

Жизнь этихъ женщинъ намъ кажется сказкой, да она почти и была ею, ибо мутный и бурливый потокъ жизни не захватывалъ въ свое извилистое русло искрящихся ручейковъ ихъ мечты... И разгадать ихъ внутреннюю сущность можетъ только художникъ, а не историкъ-исслѣдователь, который сумѣетъ со всею точностью возстановить голый скелетъ прошлой жизни, но будетъ безсиленъ воскресить ея душу...

Угасшая жизнь, только еще болѣе отдаленная по времени, имѣетъ и у насъ своего пѣвца, который на протяжении всей своей творческой дѣятельности только и дѣлалъ, что вглядывался въ сумракъ отошедшаго и, казалось, взывалъ вмѣстѣ со старымъ французскимъ поэтомъ:

Où sont elles, Vierge Souveraine,  
Mais où sont les neiges d'antan? \*)

Вспомните красочныя грезы Борисова-Мусатова, грезы маленькаго горбатаго художника, который всю тоску своей жизни, поэтическую тоску о прекрасномъ воплотилъ въ женскихъ образахъ далекаго прошлаго.

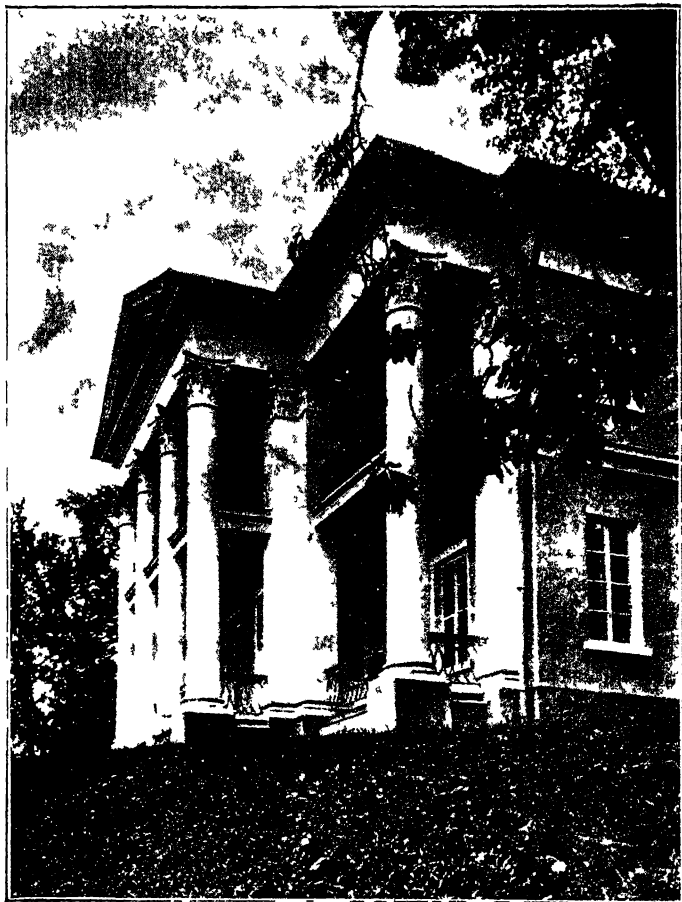
Вы помните эти старинныя костюмы и старинныя манеры, отъ которыхъ вѣетъ же<sup>М</sup>данной граціей менуэта, тихой музыкой клавесина...

Вотъ кавалеръ въ пудреномъ парикѣ въ камзолѣ и

---

\*) Гдѣ они, Царственная Дѣва, гдѣ прошлогодніе снѣга?





Фасадъ дома времянь Александра I-го

кружевахъ ведетъ подъ руку даму между старыхъ деревьевъ стараго парка:

„Quand les lilas refleurront

„Dans ces vallées nous reviendrons... \*)

Вотъ женщины въ старинныхъ платьяхъ и прическахъ идутъ около стараго дома, поникшія, охваченныя невыразимой грустью „Requiem“. Эти же женщины всегда мечтательно-задумчивыя, на зеленомъ фонѣ вычурной дубовой листвы образуютъ живую гирлянду „изумруднаго ожерелья“... На прозрачной поверхности „водоема“ отражается прозрачное небо и опять двѣ женскія фигуры о чемъ-то тоскующія...

Мусатовъ чутьемъ тонкаго и большого художника угадалъ этихъ женщинъ, воплотилъ въ красочныхъ симфоніяхъ ихъ крѣпкія души, ихъ мечту о невозможномъ слилъ со своей мечтой. Онъ чувствовалъ тотъ культъ этикета, который насквозь проникалъ прошлую жизнь, безъ которой она была невысказанна... На его картинахъ и печаль и улыбка радости, впрочемъ, такая рѣдкая, всегда сдержанная: ни въ одной позѣ, ни въ одномъ движеніи не проявится ничего рѣдкаго, смѣлаго, потому что всѣ чувства и страсти глубоко прячутся въ душѣ, потому что изысканная мягкость манеръ не позволяетъ внутреннимъ волненіямъ прорываться наружу, нарушать гармонію ритмической плавности.

На картинахъ „Весенняя сказка“ изображенъ паркъ въ

---

\*) Когда сирень зацвѣтетъ вновь, мы вернемся въ эти долины.

старинномъ вкусѣ, съ мраморными статуями, баллюстрадами. Весна. Порхаютъ бабочки, и женщины въ робронахъ изящными сѣточками ловятъ этихъ бабочекъ: наклоняются граціозно, граціозно поднимаютъ тонкія, точеныя руки... И вы чувствуете, что онѣ не могутъ двигаться, жестикулировать по-иному, даже на свободѣ, среди природы; да и сама природа такая же изысканная и этикетная, какъ онѣ, точно и на ней надѣтъ пышный пудренный парикъ и наклеены милья, наивно кокетливыя и церемонныя мушки. Ничего нѣтъ и не можетъ быть въ этой картинѣ похожаго на нашу вульгарную дѣйствительность—ни одной рѣзкой ноты въ мелодіи красокъ и линий, ничего грубо-реального.

Вглядитесь въ этихъ женщинъ съ цѣломудренными очертаніями обнаженныхъ плечъ, съ плѣнительной наивностью ихъ наряда, съ тихой граціей движеній, и вы почувствуете, что ихъ душа съ ея затаенными мечтами, желаніями и надеждами не вылетитъ на просторъ мощнымъ потокомъ; она трепещетъ гдѣ-то глубоко внутри, какъ бабочка, затаившаяся отъ непогоды между цвѣточными лепестками.

„Княгиня Зенаида“, родившаяся, правда, значительно позднѣ Мусатовскихъ женщинъ, во многихъ отношеніяхъ по духу близка имъ. И ей суждено было, несмотря на весь блескъ ея положенія, несмотря на вниманіе и поклоненіе, которыми она пользовалась, наполовину жить въ мірѣ грезъ и фантазій. Ей не пришлось найти той почвы, на которой она могла бы развернуть свои дарованія во всей ихъ полнотѣ, она рассыпала ихъ какъ золо-

той песокъ то здѣсь, то тамъ, не имѣя возможности собрать яркихъ лучей своей личности въ одинъ фокусъ.

По отзывамъ современниковъ, она владѣла громаднымъ сценическимъ талантомъ; знаменитая французская актриса М-ле Мюгс удивлялась ей. Сценическія и музыкальныя выступленія кн. Волконской въ 1815 г. въ Парижѣ вызвали одобреніе такихъ знатоковъ, какъ Буальдье и Россини, а М-ле Мюгс выражала свое сожалѣніе, что „такой сценическій талантъ достался на долю дамы большого свѣта“...

И сожалѣніе М-ле Мюгс имѣло полное основаніе: княгиня Зинаида Александровна должна была всю жизнь довольствоваться ролью любительницы. Ея происхожденіе и близость ко двору, охватившія ее желѣзнымъ кольцомъ этикета, не позволяли ей цѣликомъ посвятить себя сценѣ. Жить искусствомъ она не имѣла права; ей позволено было лишь издали любоваться имъ или принимать въ немъ участіе постольку, поскольку это не переходило границъ свѣтскаго развлечения высокопоставленной дамы.

Императоръ Александръ I, несмотря на всю свою симпатію и уваженіе къ кн. З. А., которыя онъ сохранилъ къ ней до конца жизни, не только не высказывалъ сочувствія къ ея артистическимъ стремленіямъ, но явно былъ ими недоволенъ. Недовольство это, проявленное въ самой деликатной формѣ, звучитъ совершенно опредѣленно въ рыцарскомъ тонѣ его писемъ. Въ одномъ изъ нихъ, (адресованномъ ей въ 1815 году въ Парижъ, гдѣ кн. Волконская выступала въ домашнихъ театрахъ) императоръ говоритъ ей:

„Вы очень ошибаетесь, княгиня, если полагаете, что я

когда-нибудь могъ сердиться на васъ за участіе, которое вы принимаете въ дѣлѣ Лабедойера... \*) Изъ того, что я говорилъ вамъ у герцогини Курляндской, вы бы должны были отказаться отъ мысли, что я хотѣлъ васъ побранить, какъ вы выражаетесь въ вашемъ письмѣ. Дѣло въ томъ, что если я и негодовалъ на васъ, то уже, конечно, не за Лабедойера, а, признаюсь вамъ откровенно— за то предпочтеніе, которое вы, казалось, оказывали Парижу со всей его мелочностью. Столь возвышенная и превосходная душа казалась мнѣ неподходящею ко всей этой суетности, и я считалъ ее жалкой пищей для нея. Искренняя моя привязанность къ вамъ, такая долготѣнная, заставляла меня сожалѣть о времени, которое вы теряете на занятія, по моему, такъ мало достойная вашего участія. Вотъ, княгиня, самое откровенное изложеніе моихъ жалобъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ встрѣчу я минуту вашего къ намъ возвращенія, которое дастъ мнѣ возможность повторить вамъ на словахъ выраженіе моихъ чувствъ къ вамъ“.

Въ данномъ случаѣ императоръ лишь раздѣлялъ взгляды своего времени, въ глазахъ котораго артистъ, какъ бы талантливъ онъ не былъ, не можетъ принадлежать къ высшему обществу: взгляды эти поддерживались и питались у насъ отчасти крѣпостнымъ помѣщичьимъ театромъ.

Рѣдкій голосъ и глубокая музыкальность княгини

---

\*) Лабедойеръ—полковникъ французской службы, первый перешедшій въ 1815 году со всѣмъ своимъ отрядомъ на сторону Наполеона. Онъ былъ приговоренъ королевскимъ судомъ къ смертной казни, и кн. З. А. пыталась хлопотать о его помилованіи.

Волконской восхищали современниковъ. Но и въ этой области она должна была оставаться пѣвицей-деллитанткой. Положеніе „дамы большого свѣта“ принуждало ее замыкаться въ кругу знакомыхъ и друзей, а при иныхъ условіяхъ ея имя могло стать, можетъ быть, однимъ изъ лучшихъ украшеній тогдашняго музыкальнаго и артистическаго міра.

Князь Вяземскій, котораго нельзя заподозрить въ способности увлекаться и презвѣличивать, въ письмѣ къ А. И. Тургеневу изъ Петербурга (отъ 6-го февраля 1833 года) такъ вспоминаетъ о З. А.

„...А что голосъ княгини Зинаиды? Сохранила ли она его посреди болѣзней своихъ? Здѣсь нѣтъ такого музыкальнаго міра, какъ бывало у нея въ Москвѣ. Тамъ музыка входила всѣми порами, on etait saturé d'harmonie...

...Домъ ея былъ, какъ волшебный замокъ музыкальной феи: ногою ступишь на порогъ, раздаются созвучія; до чего не дотронешься, тысяча словъ гармоническихъ откликнется. Тамъ стѣны пѣли; тамъ мысли, чувства, разговоръ, движеніе, все было пѣніе“.

Слѣпой поэтъ Козловъ въ стихотвореніи своемъ „Къ княгинѣ Зинаидѣ А. Волконской“ такъ выразилъ впечатлѣніе, производимое ея пѣніемъ:

Мнѣ говорятъ: „Она поетъ,  
„И радость тихо въ душу льется,  
„Раздумье темное найдетъ  
„Въ мечтаньи сладкомъ сердце бьется..

„И тихо, мило на землѣ,  
„Когда поетъ она—милѣ,  
„И пламеннѣй огонь любви,  
„И все прекрасное святѣ!“

А я, я слезъ не проливалъ  
 Волшебнымъ голосомъ плѣненный,  
 Я только помню, что видалъ  
 Пѣвицы образъ несравненный,

И помню я. какимъ сгнемъ  
 Сіяли очи голубыя,  
 Какъ на челѣ ея младомъ  
 Вилися кудри золотыя!

И помню звукъ ея рѣчей,  
 Какъ помнить чувство дорогое,  
 Онъ слышится въ душѣ моей,  
 Въ немъ было что-то неземное...

Но „волшебный голосъ“ звучалъ лишь въ стѣнахъ салоновъ; „музыкальная фея“ оставалась запертою въ своемъ замкѣ...

Ея стремленіе пополнить свое широкое эстетическое образованіе научными свѣдѣніями тоже не могло увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Когда З. А., живя въ Петербургѣ, принялась за изученіе скандинавской археологіи въ связи съ исторіей Россіи и работала серьезно и усидчиво, великосвѣтскіе круги встрѣтили эти ея занятія злыми насмѣшками. Такое отношеніе заставляло ее падать дукомъ, терять вѣру въ свои способности. Вѣроятно, немногіе сочувствовали ей, немногіе ее понимали. Одинъ изъ образованнѣйшихъ людей той эпохи кн. П. Б. Козловскій, дружески расположенный къ кн. З. А., пишетъ ей по этому поводу:

„Души холодныя, невѣжество и насмѣшки не должны сбивать васъ съ пути. Высшее общество имѣетъ свои

заслуги, но никогда въ сферахъ серьезныхъ: послѣднихъ оно не терпитъ, потому что онѣ стѣсняють его, указываютъ на умственные преимущества, которыя несомнѣстимы съ выглаженностью, безличностью, съ тѣмъ, что составляетъ его сущность. Высшее общество отрицательно, въ немъ нѣтъ ничего выдающагося, слѣдовательно возвышеннаго. Музыка не для глухихъ, истинное знаніе не для пресыщенныхъ, суетныхъ, насмѣшливыхъ. Можно жалѣть ихъ, но не исцѣлить... Храните для нашихъ друзей тотъ источникъ, который освѣжаетъ и обновляетъ все то, чего онъ касается“.

Наконецъ, литература, которая казалось бы болѣе другихъ искусствъ могла быть ей доступна, потому что не связывалась, какъ драма или опера съ публичными выступлениями,—литература привлекала ее къ себѣ. Но и въ ней не нашла кн. Волконская твердой точки опоры.

При всемъ своемъ талантѣ она не только не могла создать того, что удавалось людямъ гораздо менѣ даровитымъ, но она даже не попала въ ряды самыхъ скромныхъ русскихъ писательницъ.

Для того, чтобы стать писателемъ, мало одного только таланта, необходимо знаніе жизни близкое соприкосновеніе съ нею, возможность спокойно и вдумчиво вглядываться въ ея глубину. А какъ могла знать и чувствовать русскую жизнь женщина, родившаяся и воспитанная за границей, ненадолго заглянувшая въ Россію, съ дѣтства владѣвшая почти всѣми европейскими языками кромѣ... русскаго! И совмѣстима ли была серьезная литературная работа съ постоянной жизнью въ большомъ свѣтѣ, этомъ калейдоскопѣ вѣчно смѣняющихся впечат-



лѣній, среди выѣздовъ, пріемовъ, придворныхъ празднествъ и переѣздовъ по всей Европѣ...

Едва ли все тогдашнее общество, окружавшее ее поклоненіемъ, серьезно относилось къ ея литературнымъ занятіямъ. Въмѣсто критическихъ указаній, она выслушивала комплименты своихъ почитателей, которые считали литературный талантъ княгини однимъ изъ ея „пріятныхъ качествъ“. Въ письмѣ кн. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу отъ 4-го октября 1819 года мы встрѣчаемъ такіа характерныя слова: „Сейчасъ отдалъ я княгинѣ Зенеидѣ книгу Сопикова: \*) она собирается писать что-то о русской словесности. Великъ русскій Богъ! Она мила и русская: не сомнѣваюсь въ успѣхѣ или, лучше сказать въ удачѣ. Она очень любезна и поетъ какъ ангель. Читалъ ли ты ея „Nouvelles“. Въ первой есть тонкія наблюденія и счастливыя выраженія“ \*\*).

„Она очень любезна и поетъ какъ ангель“, — вотъ что видѣло большинство въ кн. З. А. Волконской (особенно первое время, до ея жизни въ Москвѣ). Въ то время отъ женщины большаго и не требовалось: обладать пріятными талантами и быть любезной въ обществѣ. Малѣйшій шагъ изъ за этой заколдованной черты грозилъ всякими неприятными осложнениями въ видѣ насмѣшекъ, сплетенъ, злобнаго недоброжелательства. А у кн. Волконской было слишкомъ мало возможности отойти

\*) В. С. Сопиковъ. „Опытъ російской библиографіи“ въ V частяхъ СПб. 1813—16.

\*\*) „Les quatre nouvelles“ (Четыре новеллы). Кн. З. А. Волконская. Первая изъ нихъ, о которой пишетъ Вяземскій, поѣсть „Laure“.

отъ общества, порвать съ его традиціями и установившимися понятіями.

Вся ея жизнь—непрерывная цѣпь исканій, нервныхъ порывовъ, блестящихъ, но почти безрезультатныхъ. И въ итогѣ этихъ исканій, изъ которыхъ самымъ мучительнымъ было исканіе родины, она почувствовала неудовлетворенность и замкнулась въ религіозной мистикѣ католицизма, который подъ конецъ поглотилъ ее цѣликомъ.

Объяснять душевныя метанія З. А. природнымъ легкомысліемъ совершенно не приходится. Причина ихъ коренится въ той почвѣ, на которой выросло это прекрасное тепличное растеніе: почва дала ей и ослѣпительно яркія краски и вмѣстѣ съ тѣмъ и погубила ее, отнявъ у нея корни, превративъ ее въ срѣзанный цвѣтокъ...

Она родилась за границей (въ Дрезденѣ 3-го декабря 1792 г.) въ семьѣ одного изъ тѣхъ русскихъ аристократовъ, типичныхъ представителей XVIII столѣтія, которые были русскими лишь по имени и связаны были съ Россіей только службой, да многочисленными вотчинами, доходы съ которыхъ проживали въ чужихъ краяхъ.

Князь Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, отецъ княгини Зинаиды, втеченіе многихъ лѣтъ занималъ постъ посланника сначала въ Дрезденѣ, потомъ въ Туринѣ и настолько сроднился съ Западной Европой, что она сдѣлалась его вторымъ отечествомъ. Живя въ тотъ періодъ увлеченія Россіи всѣмъ французскимъ, когда французскіе энциклопедисты были властителями думъ, а французская литература считалась образцомъ художе-

ственного творчества, кн. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, человекъ просвѣщенный и даровитый, проникся насковзь культурой Франціи и сталъ въ довольно близкія отношенія съ такими ея представителями, какъ Вольтеръ и Делиль, и вообще со многими европейскими знаменитостями. Любовь къ искусству и личное обаяніе давали ему возможность собирать въ своемъ домѣ выдающихся людей того времени—ученыхъ, писателей, художниковъ, артистовъ. Онъ составилъ у себя прекрасную коллекцію картинъ, статуй, гравюръ, цѣнную библіотеку литературныхъ произведеній, и такимъ образомъ около него создалась атмосфера утонченной культуры, насковзь пропитанная любовью къ изящному.

Князь Александръ Михайловичъ и самъ былъ причастенъ къ французской литературѣ, за свои сочиненія онъ былъ избранъ членомъ нѣкоторыхъ заграничныхъ ученыхъ обществъ, а Вольтеръ отзывался съ большимъ одобреніемъ о его французскихъ стихахъ, говоря ему на примѣръ, въ одномъ письмѣ \*), что онъ пишетъ по французски лучше, чѣмъ всѣ молодые люди французскаго двора. Князь проявлялъ интересъ и къ русской литературѣ; онъ поддерживалъ дружескія отношенія съ Н. М. Карамзинымъ и нѣкоторыми другими выдающимися людьми Россіи, пробовалъ даже писать для русской сцены, но эти его опыты въ отечественной словесности не имѣли такого успѣха, какъ произведенія, писанныя по французски \*\*).

\*) Отъ 1775 г. 27 марта.

\*\*) Major Masson въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о кн. А. М. Бѣлосельскомъ, что онъ составилъ себѣ извѣстность сти-

Въ этой обстановкѣ жила и воспитывалась будущая „Сѣверная Коринна“, которая тонкими нервами живого и даровитаго ребенка глубоко воспринимала окружающія впечатлѣнія.

Она видѣла вокругъ себя произведенія искусства, слышала музыку, декламацію, чтеніе классиковъ; въ ея душѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ запечатлѣвались ритмическіе звуки, стройныя формы, гармоническія краски. Она рано научилась владѣть иностранными языками итальянскимъ, англійскимъ, знала даже древніе языки — латинскій и греческій, а французская рѣчь замѣняла ей родную русскую. И съ языками она знакомилась въ ихъ классическихъ формахъ—по литературнымъ образцамъ, по изысканному стилю своего отца и окружавшаго его общества. Италія, гдѣ протекли первые годы ея жизни, благотворно подействовала на развитіе ея вокальнаго и музыкальнаго таланта...

Однимъ словомъ, трудно себѣ представить условія, которыя бы болѣе подходили для пробужденія въ ребенкѣ эстетическаго чувства и стихійной любви ко всему изящному. Она жила въ мірѣ красоты, въ мірѣ возвышенныхъ образовъ и въ ея душѣ съ раннихъ лѣтъ слагались утонченныя понятія и вкусы, формировались идеалистическія стремленія, такія далекія отъ реальной дѣйствительности.

---

хотвореніями и въ особенности „par une Epitre aux Français, où il semble être français lui même et ou il leur jette des Lauriers qui retombent sur lui“. \*)

Въ своемъ посланіи къ французамъ, гдѣ онъ самъ кажется французомъ и гдѣ онъ забрасываетъ ихъ лаврами, которые падаютъ и на него самого,

Вмѣстѣ съ этимъ въ ней рано проснулась и склонность къ мечтательности, къ задумчивости, окрашенной оттѣнкомъ грусти. Она рано лишила: матери \*) Варвары Яковлевны. При иныхъ условіяхъ ребенокъ, тѣмъ болѣе такъ нѣжно любимый отцомъ, какъ она, можетъ быть, и не почувствовалъ бы этой потери, но самъ князь Александръ Михайловичъ былъ слишкомъ глубоко пораженъ своимъ горемъ, и его тоска по умершей, благоговѣйное отношеніе къ ея памяти должны были повліять на впечатлительную душу маленькой княжны Зинаиды.

Въ отрывкѣ своей автобіографіи \*\*) , она говоритъ: „Моя мать умерла въ Туринѣ, и я ничего не знала ни объ подробностяхъ ея смерти, ни о ея религіозныхъ идеяхъ. Разговаривать о ней съ отцомъ было нельзя, онъ ее такъ любилъ и такъ горевалъ о ней, что у него не хватало даже силы развернуть бумагу, въ которой хранились ея волосы: его руки дрожали и онъ пряталъ снова эту драгоценную реликвию. Я только помню, что онъ называлъ ее „моя святая“. Боязнь огорчить нашу мамочку распросами отца о покойной тоже заставляла насъ молчать. Богу угодно было это молчаніе, Онъ зналъ, зачѣмъ оно нужно...“

„...Я сильно любила ее, не зная ее... Я любила ту, которая дала мнѣ жизнь, чтобы научить меня вѣрѣ и любви къ Богу. Она часто рисовалась моимъ глазамъ, и мысль о ней живетъ во мнѣ. Молитва соединяетъ меня съ ней; у меня есть надежда, что я ее узнаю, увижу“.

\*) Урожденной Татищевой.

\*\*) Этотъ цѣнный документъ, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанный, любезно предоставленъ намъ маркизой Н. В. Кампанари.

Въ этихъ словахъ кн. Волконской чувствуется, что еще смерть матери создала въ ея душѣ зародышъ того религіознаго мистицизма, который такъ глубоко развился въ послѣдствіи. Несомнѣнно, что и вторичный бракъ князя Бѣлосельскаго долженъ былъ повліять на ребенка, которому трудно было принять, взамѣнъ, обвѣяннаго дѣтской мечтой образа умершей матери, чужую женщину, занявшую ея мѣсто. Зинаида Александровна въ своей автобіографіи ни единымъ словомъ не касается этого вопроса, но невольное сопоставленіе самаго факта женитьбы съ культомъ памяти первой жены и боязнь распросовъ со стороны дѣвочки о матери должны были создать въ душѣ ея свой обособленный міръ, куда не проникалъ даже любящій и внимательный взглядъ отца, лично занимавшагося ея воспитаніемъ и образованіемъ.

Какковы были отношенія З. А. къ мачехѣ—ничего неизвѣстно. Она рассказываетъ, что отецъ, огорченный смертью жены, одно время путешествовалъ по Италіи. Потомъ \*) онъ съезъ дѣтей \*\*) на нѣкоторое время изъ Италіи въ Москву, гдѣ они были оставлены на попеченіи старой кормилицы ихъ покойной матери. Семья дѣда З. А. по матери, Якова Афанасьевича Татищева, жена таго на Еропкиной, видимо, съ большою любовью относилась къ дѣтямъ. По всей вѣроятности З. А. познакомилась съ ними, будучи ребенкомъ, въ свой первый пріѣздъ въ Россію. О бабушкѣ своей она говоритъ, что та отличалась рѣдкой добротой, привѣтливостью и въ молодости была очень красива. Она была чрезвычайно

\*) Когда это было—неизвѣстно.

\*\*) Зинаиду и старшую Магдалину.

религіозна, много молилась, акуратно посѣщала церковь и часто заставляла у себя въ домѣ служить молебны. Религіозность старухи Татищевой могла повліять еще въ дѣтскомъ возрастѣ на З. А. Неизвѣстно только, придерживалась ли ея бабушка православія, или была послѣдовательницей католицизма.

Когда З. А. вернулась обратно изъ Москвы за границу, свѣдѣній объ этомъ не имѣется, но можно предполагать, что ея ранніе годы протекли за границей.

Въ 1809 году кн. А. М. Бѣлосельскій скончался, когда ей едва исполнилось 17 лѣтъ. По всей вѣроятности онъ умеръ въ Петербургѣ. По словамъ сына княгини Зинаиды, кн. А. Н. Волконскаго, смерть отца, ея ближайшаго друга и наставника, „была ужаснымъ ударомъ, оставившимъ навсегда слѣдъ въ ея характерѣ, въ которомъ появилась мечтательность и задумчивость, не оставившая ее даже среди свѣтскихъ развлеченій“. Поселилась ли послѣ кончины отца З. А. у своей мачехи или у родныхъ по матери и какова была ея жизнь—мы не знаемъ, такъ же, какъ не имѣемъ свѣдѣній и о томъ, при какихъ обстоятельствахъ совершился ея бракъ. 3-го февраля 1811 года она вышла замужъ за молодого егермейстера при дворѣ Александра I, кн. Никиту Григорьевича Волконскаго, и заняла очень видное положеніе въ петербургскомъ свѣтѣ. Ея одаренность, широкое образованіе и исключительная привлекательность обратили на нее вниманіе Императора Александра, который относился къ ней съ большимъ дружескимъ расположеніемъ. Это расположеніе государя къ княгинѣ, съ одной стороны, увеличивало, конечно, почетъ и въ свѣтѣ и въ

придворныхъ кругахъ, а съ другой, вызывало къ ней неизбѣжную зависть, клевету и недоброжелательство.

Зинаида Александровна, выросшая въ мѣрѣ искусства и отвлеченныхъ умственныхъ интересовъ, далекая и по воспитанію и по характеру своему отъ атмосферы интригъ и происковъ, должна была испытывать частыя огорченія и разочарованія, впервые столкнувшись съ изнанкой жизни, съ борьбой мелкаго честолюбія, эгоистическихъ расчетовъ и низменнаго карьеризма.

Ея чистая натура, полная искренности и довѣрчивости, едва ли могла встрѣтить въ придворныхъ кругахъ полное пониманіе и отвѣтный откликъ; ея умственные запросы должны были въ большинствѣ случаевъ остаться неудовлетворенными и только молодость и новизна впечатлѣній скрашивали условія новой жизни.

Въ томъ же 1811 году у нея родился ея единственный сынъ Александръ, и это событіе поглотило ее цѣликомъ, давъ ей возможность отойти отъ двора и погрузиться въ заботы о ребенкѣ, воспитаніе и образованіе котораго составляло вообще важное и серьезное дѣло всей ея жизни.

Вскорѣ начались тревожные слухи о войнѣ, и событія двѣнадцатаго года отвлекли вниманіе и двора, и всего общества отъ обычныхъ, болѣе мелкихъ интересовъ.

Когда весною 1813 года императоръ Александръ отправился за границу со всѣмъ дворомъ, и кн. Зинаида вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ слѣдовала въ свитѣ Государя. Это путешествіе первое время носило характеръ непрерывнаго торжества побѣдителей. Государь часто видался съ З. А. и съ другой кн. Волконской (Софьей Григорьев-



ной, женой начальника главнаго штаба, П. М. Волконскаго).

Но новый походъ Наполеона и его движеніе въ Саксонію вызвали цѣлый рядъ всякихъ осложненій и заботъ. Тогда Австрія предложила свое мирное посредничество и направила къ императору Александру кн. Шварценберга. Но даже и среди дѣлъ государственной важности императоръ не забывалъ княгиню Волконскую, что видно изъ его записки къ ней.

„Сгораю нетерпѣніемъ, княгиня, пасть къ вашимъ ногамъ, вчера еще я жаждалъ этого счастья, но небу или вѣрнѣе кн. Шварценбергу съ генераломъ Радецкимъ, оставшимся у меня до 11 часовъ, было угодно иначе. Могу ли я явиться къ вамъ между 7 и 8 часами?

Въ ожиданіи этого примите выраженіе моихъ почтительныхъ чувствъ.“

Возобновленіе военныхъ дѣйствій заставило кн. Волконскую и другихъ дамъ, слѣдовавшихъ въ свитѣ государя, отправиться въ Прагу, гдѣ она получала письма отъ Александра, въ которыхъ, на ряду съ извѣстіями о положеніи военныхъ дѣлъ, выражалось исключительное вниманіе императора къ жѣнщинѣ, которую, по словамъ Ал. Ник. Волконскаго, онъ считалъ „однимъ изъ прекраснѣйшихъ украшеній своего двора“.

14 мая 1813 г. онъ пишетъ ей изъ Яуера:

„Если доброе намѣреніе когда-либо считалось достойнымъ награды, то я, заслуживъ ваше прелестное письмо, получилъ именно такую, которая вдали отъ васъ, княгиня, могла доставить мнѣ самое большое удовольствіе. Я не могу вполне выразить, какъ я былъ тронутъ всѣмъ тѣмъ,

что вы мнѣ говорите. Вѣрьте, что я умѣю это цѣнить. Податель этого письма расскажетъ вамъ о новомъ отличіи нашихъ войскъ и, если успѣхъ не былъ такъ полонъ, какъ мы того желали, то все же совершившіяся событія отъ этого не менѣ славны для нашей арміи. Всякое трудное дѣло требуетъ большого напряженія, чтобы быть доведеннымъ до конца. Будемъ надѣяться, что Божественное Провидѣніе благословитъ наши усилія. Всѣ мы въ наилучшемъ расположеніи духа. Ко всѣмъ пожеланіямъ успѣха для нашей арміи, я присоединяю еще одно, глубоко искреннее, а именно, чтобы эти успѣхи доставили мнѣ счастье скорѣе васъ увидѣть. Пока же сохраните для меня мѣсто въ вашей памяти, которымъ я такъ дорожу, и напомните обо мнѣ княгинѣ Софіи. \*) Примите увѣреніи въ моей привязанности искренней и почтительной.“

Въ другомъ письмѣ изъ Тешлица отъ 21 августа того же года государь говорить:

„Не могу ждать отъѣзда обычнаго курьера,\*\*) чтобы выразить вамъ, княгиня, всю мою признательность за ваше милое письмо и за все то любезное, что вы въ немъ мнѣ говорите. Мое единственное желаніе быть похожимъ на то существо, которое вы описали и назвали моимъ именемъ, и отъ котораго я еще очень далекъ. Вамъ одной принадлежитъ рѣдкій талантъ дѣлать любезными и привлекательными тѣхъ, съ кѣмъ вы бываете, такъ какъ вы сами одарены природной привлекатель-

---

\*) Женѣ кн. П. М. Волконскаго.

\*\*\*) Кн. Н. Г. Волконскаго, мужа З. А.

ностью и благосклонной любезностью. И проводить цѣлые часы около васъ—истинное наслажденіе.“ Дальше, перечисляя успѣхи нашей арміи и гвардіи, военную добычу и плѣнныхъ, захваченныхъ въ сраженіи при Вандомѣ, государь прибавляетъ; „продолжайте, умоляю васъ, немножко интересоваться нами—воинами—и будьте напередъ увѣрены въ дани нашей признательности вамъ. При первой возможности я отправляю обычнаго курьера въ Вѣну, но по пути туда и обратно онъ проѣдетъ черезъ Прагу“... Заканчивая письмо, Александръ пишетъ: „Вѣрьте, княгиня, въ мою истинную привязанность къ вамъ на всю жизнь“.

Другія письма, относящіяся и къ этой эпохи и написанныя позднѣе, полны все той же и даже большей симпатіи къ кн. Волконской и рыцарски восторженнаго преклоненія передъ ней. Читая эти письма, особенно послѣднія, въ тонѣ которыхъ звучатъ самыя задушевные ноты, трудно представить себѣ, что онѣ были обращены государемъ къ его подданной. Если Александръ I умѣлъ быть рыцаремъ передъ нѣкоторыми женщинами, то и кн. З. А. обладала способностью вносить въ свою дружескую близость съ императоромъ чувство благороднаго такта и собственнаго достоинства. Придворная дама, она была далека по натурѣ своей отъ всякой лести, отъ некрасиваго заискиванія передъ всесильнымъ государемъ; ея расположеніе къ нему было глубокимъ и искреннимъ, и это устанавливало между ними отношенія далекія отъ всякой официальнойности.

Артистическія выступленія княгини на придворныхъ празднествахъ и на сценахъ частныхъ театровъ начинаются въ Парижѣ, куда 10-го іюля 1815 года съѣхались зинаида волконская и ея время.

государи трехъ великихъ державъ послѣ окончательнаго низложенія Наполеона.

Выше мы упоминали о томъ одобреніи, которое заслужила З. А. своими музыкальными и сценическими талантами со стороны Россини, Буальдые и Mlle Mars. Въ то же время Зинаида Александровна, составивъ труппу изъ почитателей талацта Россини, поставила на сценѣ одного изъ частныхъ театровъ его оперу „Italiana in Algeri“. Эта постановка была совершенной новостью для парижанъ, которые не были знакомы съ произведеніями знаменитаго итальянскаго композитора.

Послѣ поѣздки въ Лондонъ\*) въ свитѣ императора Александра (въ томъ же году) Зинаида Александровна снова вернулась въ Парижъ и здѣсь съ увлеченіемъ отдалась искусству. Казалось, ея душа, вырвавшаяся изъ тѣсныхъ рамокъ придворнаго этикета, праздновала свою свободу въ родной стихіи. Это не была жажда успѣховъ, которыми она имѣла возможность достаточно пресытиться; ее, видимо, влекла къ себѣ атмосфера художественнаго творчества, атмосфера артистическаго міра, гдѣ, вмѣсто стѣсняющихъ условностей, царили одни идеалы искусства. Кто изъ родныхъ или людей ея круга былъ въ это время съ нею въ Парижѣ,—мы не знаемъ, но по письму императора Александра, въ которомъ онъ проситъ ее

---

\*) Въ Лондонѣ она взяла на воспитаніе находившагося въ очень печальныхъ условіяхъ ребенка, круглаго сироту (по фамиліи Павей), котораго заботливо растила вмѣстѣ со своимъ сыномъ. Впослѣдствіи Павей, платившій преданностью семьѣ княгини за заботы о немъ, помогъ уладить ея очень запутанныя денежныя дѣла.

отказаться отъ „суетности“ Парижа, видно что она не послѣдовала за дворомъ въ Россію, а осталась во Франціи.

Зинаида Александровна не только сама увлекалась сценой и музыкой, поддаваясь силѣ своего таланта, который неудержимо влекъ ее къ искусству, но и съ искреннимъ восхищеніемъ любовалась проявленіями чужого дарованія. Она восторженно слѣдила за успѣхами M-lle Mars, безкорыстно радовалась каждой ея удачѣ. Въ прелестномъ стихотвореніи, посланномъ знаменитой французской актрисѣ вмѣстѣ съ гирляндой цвѣтовъ въ день ея выступленія въ пьесѣ „Le secret du Ménage“, кн. Волконская проявила не только все существо своего лигературнаго стиля, но и тонкую артистичность своей души. Въ чарующей граціи этихъ стиховъ, обращенныхъ женщиной къ женщинѣ, рядомъ съ обликомъ той, которой они посвящены, встаетъ образъ и самой кн. Зинаиды:

#### A Mademoiselle Mars

On dit que sur la terre une Muse est parue  
 Et sous un nom guerrier déguisant son vrai nom,  
 Exerce en souriant sa puissance absolue  
 Et fait la guerre aux coeurs sans quartier, nous dit-on.  
 Son âge est ignoré: selon sa fantaisie  
 Elle est ce qu'elle veut, et Toujours elle est bien  
 Après avoir aux dicux versé de l'ambrosie,  
 De la sage raison elle prend le maintien.  
 Puis saisissant un dard, sûre de sa conquête,  
 Et jouissant tout bas du malheur des humains,  
 Elle a l'esprit, le ton d'une franche coguette:  
 Les yeux sont tour à tour fiers, naïfs et malins.  
 C'est l Pallas, c'est Thalie, une Nimphe, une grâce,

C'est le Palladium, le charme du Parnasse:  
 Vous qui savez bien deviner un secret,  
 Vous seule qui pouvez achever ce portrait,  
 Ah! déposez au pieds de l'aimable immortelle  
 Ces fleurs, qui dans le Nord sont écloses pour elle!

Въ Россію Зинаида Александровна вернулась только въ 1817 году и принимала участіе въ тѣхъ празднествахъ которыми сопровождалась закладка храма Спасителя въ Москвѣ на Воробьевыхъ горахъ; происходившая въ присутствіи Императора и всего двора. Изъ Москвы она уѣхала въ Одессу, гдѣ провела около года. Поэтъ К. Н. Батюшковъ въ своемъ письмѣ изъ Одессы отъ 12-го іюля 1818 года сообщаетъ ѳ ней: „Сейчасъ иду къ княгинѣ Зинаидѣ... она здѣсь поселилась и все у ногъ ея. Она, говорятъ, поэтъ прелестно и очень любезна...“

Изъ Одессы З. А. Волконская въ началѣ 1819 года вернулась въ Петербургъ.

Видимо, настроеніе ея въ эту пору измѣнилось. Она становится болѣе серьезной и замкнутой и уединяется огь шумной свѣтской жизни для занятій литературой.

Чѣмъ былъ вызванъ въ ней этотъ поворотъ, мы не знаемъ. Княгинѣ Зинаидѣ въ ту пору было лишь 26 лѣтъ, а позади оставалось пестрая вереница впечатлѣній самыхъ яркихъ и разнообразныхъ и, можетъ быть, она хотѣла на досугѣ подвести итоги всему пережитому; можетъ быть, не найдя удовлетворенія въ прошломъ, искала она для себя новыхъ путей....

Ей не пришлось стать артисткой сцены. Она взялась за перо. Результатомъ ея литературной работы явились четыре повѣсти написанныя легкой и изящной француз-

ской прозой („Quatres nouvelles“). \*) Первая и наиболѣе удачная изъ нихъ, носитъ въ значительной степени автобиографическій характеръ.

„Quatres nouvelles“, изданныя въ Москвѣ,<sup>†</sup> разошлись главнымъ образомъ среди ближайшихъ друзей и знакомыхъ княгини; въ широкой публикѣ, незнакомой съ именемъ автора, онѣ успѣха не имѣли и прошли незамѣченными.

По поводу этого произведенія З. А. мы находимъ упоминаніе въ перепискѣ кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ, которому онъ пишетъ 1-го октября 1819 года:

„Я не посылаю тебѣ“ „Les quatres nouvelles de la princesse Zénéide, полагая, что она сама привезла ихъ вамъ, здѣсь, въ экземплярахъ большой недостатокъ и для того я удержалъ назначенный ею гр. Каподистрія. Я еще не читалъ книжки, но помню, она читала мнѣ рукопись и не оставила задорнаго впечатлѣнія“.

Письмо это написано изъ Варшавы. А черезъ шесть дней кн. Вяземскій сообщаетъ: „Зенеида отправляется сегодня мы вовсе осиротѣемъ.\*)

Почему и сколько время кн. Волконская была въ Варшавѣ, ничего не извѣстно. Первое упоминаніе о ея пребываніи въ Варшавѣ находимъ въ письмѣ тогоже Вяземскаго отъ 30-го сентября 1819 года: „Вчера былъ у насъ вечеръ; кн. Зенеида пѣла прекрасно. Метода ея

---

\*) „Quatres nouvelles“ заключаютъ въ себѣ четыре законченныхъ новеллы: 1) „Laure“, 2) „Deux tribus du Brésil“, 3) „Les maris mandingues“, 4) „L'enfant de Kachemyr“.

†) Въ Петербургѣ.

напоминаетъ Боргондіо (Игальянская пѣвица). Изъ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній можно заключить, что закончивъ свою литературную работу, она опять вернулась къ прежнему образу жизни... Разочаровала ли ее нѣкоторая неудача ея литературнаго дебюта или съ новой силой проснулась въ ней артистка, душа которой искала звуковъ блеска освященнаго зала, настороженнаго вниманія зачарованныхъ слушагелей?...

Въ постоянныхъ переѣздахъ княгини Зинаиды чувствуется какое-то внутреннее безпокойство, не имѣющее ничего общаго съ легкомысленнымъ непостоянствомъ свѣтской женщины. Она любила Россію, но ее инстинктивно тянуло въ западную Европу, тянуло въ ту страну, гдѣ протекло ея дѣтство, и душа ея въ своемъ вѣчномъ волненіи какъ будто желала совмѣстить „холодные снѣга Россіи“ съ жаркимъ солнцемъ и голубымъ небомъ Италіи.

Въ Италію она пріѣзжаетъ весною 1820 года и поселяется въ Римѣ, гдѣ становится центромъ артистическаго кружка.

Ее окружаютъ здѣсь и выдающіеся иностранные художники, въ томъ числѣ такія знаменитости какъ Горасъ Верне, Камуччини, Канова и Торвальдсенъ, и русскіе, ученики Академіи художествъ, отправленные для усовершенствованія въ Италію. У нея бывають и Брюлловъ, и Бруни, и скульпторъ Гальбергъ. Всѣ они чувствуютъ себя легко и пріятно въ ея римскомъ салонѣ, въ атмосферѣ искренняго увлеченія искусствомъ. Живая увлекающаяся княгиня Волконская далека отъ всякаго академизма: она и серьезно занимается искусствомъ, и играетъ



имъ, какъ дитя, весело легко и непринужденно. То она пишетъ оперу „Giovanna D'Arco" *dramma per musica ridotto da Schiller, Roma 1821*“ и вмѣстѣ съ Гальбергомъ служившимъ ей переводчикомъ съ нѣмецкаго, составляетъ для нея итальянское либретто, то превращаетъ своихъ гостей въ театральныхъ статистовъ и заставляетъ ихъ маршировать по сценѣ.

Ея музыкальные вечера мало по малу превращаются въ оперы и она сама выступаетъ въ роли Жанны Д'Аркъ на своей домашней сценѣ. Ф. А. Бруни пишетъ съ нея портретъ въ этой роли, пишетъ ее и Брюлловъ. Она—прекрасная модель для художника, эта златокудрая красавица съ глазами цвѣта итальянскаго неба...

Гальбергъ въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Рима выражаетъ то впечатлѣнiе, которое она производила на него и товарищей: „... княгиня З. А. Волконская женщина прелюбезная, преумная, предобрая. женщина авторъ, музыкантъ, актеръ, женщина (съ глазами очаровательными), наконецъ, та самая, которая извѣстна въ Петербургѣ подъ именемъ Зинаиды Волконской“.

Осенью 1822 года она опять появляется ненадолго въ придворной обстановкѣ на Веронскомъ конгрессѣ и опять поетъ и играетъ на сценѣ, затмевая своими талантами и красотой блестящее общество свитскихъ дамъ разныхъ націй. И Александръ I любитъ и восхищается ею, во время ея выступленiя въ его любимой оперѣ „La Molinara“ (композитора Paisiello).

Изъ Вероны она ѣдетъ въ Петербургъ. Холодная сѣверная столица какъ будто гаситъ въ ней яркiй огонь кипучей жизнерадостности. Снова наступаетъ полоса

уелиненія. На этотъ разъ она совершенно избѣгаетъ и придворныхъ и столичныхъ развлеченій и всецѣло предается воспитанію сына и тѣмъ научнымъ занятіямъ о которыхъ мы упоминали выше. Подъ руководствомъ ученаго иностранца языковѣда барона Андрея Меріана она углубляется въ скандинавскую археологію, и исторію Россіи, отыскивая и подготавливая матеріаль для задуманной ею работы („Le Tableau slave“ \*) Произведеніе это (страдающее довольно многочисленными научно-историческими недостатками не столько по винѣ автора, талантливаго, но неподготовленнаго къ такому труду, сколько благодаря довольно первобытному состоянію нашей тогдашней исторической науки) было издано въ Парижѣ въ 1824 и году вызвало цѣлый рядъ самыхъ восторженныхъ отзывовъ французской критики, которая, конечно, судила о немъ съ точки зрѣнія чисто литературной.

„Tableau slave“ заняло собою два года самаго усидчиваго труда. Сейчасъ же вслѣдъ за нимъ, кн. Волковская принимается за историческую поэмѣ „Ольга“. Главной героиней этой поэмѣ является великая княгиня Ольга, которая по семейнымъ преданіямъ князей Бѣлосельскихъ Бѣлозерскихъ была св.зана узами родства съ ихъ родомъ. Поэмѣ „Ольга“ оставшаяся незаконченной, была написана и на французскомъ и на русскомъ языкѣ. Къ какому времени относится русскій текстъ поэмѣ, точно опредѣлить трудно, по всей вѣроятности онъ былъ на-

---

\*) „Славянская картина“ историческая повѣсть, изображающка жизнь и нравы первобытныхъ языческихъ славянъ. „Ouvrages choisies...“ Русскій переводъ кн. П. Шаликова въ отдѣльномъ изд. 1825г.

писанъ въ періодъ московской жизни княгини Зинаиды, потому что сынъ ея въ вступительной статьѣ къ изданію ея сочиненій говоритъ:

„Въ концѣ 1824 года княгиня Волконская поселилась въ Москвѣ, гдѣ она оставалась до 1829 года. Ея салонъ былъ настоящей Академіей. Она къ этому времени еще ничего не написала на своемъ родномъ языкѣ и даже мало его знала. И она съ увлеченіемъ принялась за литературу своей страны, изучала все, что имѣло отношеніе къ исторіи древней Россіи: пѣсни, обычаи, суевѣрія, старинныя легенды—все ее интересовало. Въ 1825 году у нея явилась мысль, которой не пришлось осуществиться, основать Русское общество (Societe russe) для созданія русскаго національнаго музея и печатанья изслѣдованій и работъ по исторіи и археологіи. Она уже начала свой романъ „Ольга“ по французски; она рѣшилась написать его по русски. Мы даемъ оба текста по единственной рукописи, найденной въ бумагахъ автора. Olga осталась незаконченной; это произведеніе должно было сопровождаться объясненіями и примѣчаніями. Оно представляетъ собою скорѣе поэму въ прозѣ, чѣмъ романъ“...

Неоконченная поэма обнаруживаетъ въ авторѣ несомнѣнное литературное дарованіе. Яркій и образный языкъ, красота поэтическихъ описаній; живое дѣйствіе—дѣлаютъ ее пожалуй лучшимъ изъ произведеній Зинаиды Волконской.

Читая русскій текстъ „Ольги“, невольно изумляешься тому, какъ сумѣла эта „русская иностранка“, такъ поздно принявшаяся за изученіе родного языка, не только овладѣть русской рѣчью, но и уловить колоритъ народ-

ныхъ твореній. Откуда брала она эти образныя сравненія, эти характерныя обороты пѣсенъ и надгробныхъ причитаній?.. И неужели, воспитанная за границей, дочь офранцуженнаго аристократа, великосвѣтская женщина, придворная дама, могла написать въ 20ыхъ годахъ прошлаго столѣтія, напримѣръ, это „причитаніе Олеговыхъ женъ: „Ахъ владыко нашъ! наше красное солнышко!

На кого ты насъ покинулъ, насъ горемышныхъ?

Съ кѣмъ ты думалъ эту думушку, бросилъ здѣсь насъ слезныхъ вдовушекъ! Съ кѣмъ то теперь намъ слово промолвить? Къ кому намъ чело преклонить? Иль тебѣ бѣлый свѣтъ не миль?

— Что спесиво такъ летишь, не взглянешь? Хоть молодымъ женамъ скажи слово ласковое! Какъ лебедушекъ наряди насъ въ бѣлую фату! Просвѣти насъ еще краснымъ солнышкомъ! Ты одѣнь насъ опять въ лазурный, во алый цвѣтъ!“

Если отрывокъ этотъ теперь далекъ отъ того, чтобы казаться шедевромъ подражанія наодному творчеству, то въ тѣ времена, въ началѣ XIX вѣка, написанный какъ первый литературный опытъ на вчера еще незнакомомъ и только что изучаемомъ языкѣ—онъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Только исключительной натурѣ могло быть свойственно такое чутье языка. Это чутье дало Зинаидѣ Волконской возможность оцѣнить русскую литературу, созданія ея наиболѣе выдающихся талантовъ. Благодаря своимъ дарованіямъ и художественному вкусу она сдѣлалась центромъ умственныхъ, литературныхъ и артистическихъ круговъ Москвы, и навсегда связала свое имя съ однимъ изъ самыхъ яркихъ моментовъ въ исторіи развитія русской культуры.

## III.

Москва въ 20-ые годы XIX вѣка у широкой публики нераздѣльно связана съ образами „Горя отъУма“ и многіе, пытаясь представить себѣ избранное московское общество именно въ этотъ періодъ нашей исторіи, мысленно заполняютъ его длинной вереницей грибоѣдовскихъ типовъ, всевозможными разновидностями Фамусовыхъ, Загорѣцкихъ, Скалозубовъ; жеманными дѣвицами на подобіе княженъ „Зизи, Мими“, и др., свѣтскими шутами, приживалками, сварливыми старухами, развязными иностранцами.

Гениальная комедія Грибоѣдова глубоко врѣзалась въ воображеніе русской публики и при мысли о Москвѣ, о Московскомъ „просвѣщеніи“ той эпохи, невольно встають въ памяти знаменитыя слова Фамусова,

А все Кузнецкій мостъ и вѣчныя французы.  
Откуда къ намъ и авторы и музы,  
Губители кармановъ и сердець..

Среди пестрой толпы „типовъ“ лишь туманно мерещится одинокая фигура Чацкаго и другого ученаго „чудака“, о которомъ съ такимъ ужасомъ говоритъ княгиня Тугоуховская:

Чиновъ не хочетъ знать! Онъ химикъ, онъ ботаникъ,  
Князь Ѳедоръ, мой племянникъ.

Но на самомъ дѣлѣ Москва далеко не укладывалась даже въ широкія рамки грибоѣдовской комедіи:

Отличительной особенностью этого единственнаго, не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ, по своему своеоб-

разію города, была необыкновенная какъ внѣшняя такъ и внутренняя пестрота. Москва постепенно выросла на русской почвѣ, какъ мощный дубъ, глубоко пустившій въ землю свои корни, и въ теченіе вѣковъ впитывала въ себя всѣ тѣ соки, которыя въ этой почвѣ вырабатывались отъ татарскихъ обычаевъ до утонченностей французскаго просвѣщенія. Москва объединяла въ себѣ не только всѣ сословія, всѣ общественные классы, но и всѣ разновидности русскаго быта въ его безконечныхъ оттѣнкахъ и переливахъ. Одно умирало, другое рождалось; но никогда это чередованіе не происходило правильно, потому что старина отличалась въ Москвѣ особенной жъвучестью, и за плотными стѣнами какого-нибудь патриархальнаго особняка, иной разъ еще властно и незыблемо царили понятія и традиціи, давнымъ давно отжившія въ сосѣднемъ домѣ. Въ Москвѣ ея общественные верхи и низы соединялись другъ съ другомъ безчисленнымъ количествомъ ступеней и каждая изъ нихъ имѣла свою фізіономію. Новыя вѣянія никогда не проникали Москву насквозь, они наслаивались то здѣсь, то тамъ на твердыхъ пластахъ прошлой жизни; старые корни причудливо переплетались съ молодыми зелеными побѣгами.

Двѣнадцатый годъ всколыхнулъ ее до самаго дна, пожаръ уничтожилъ чуть ли не половину громаднаго города, но, переживъ тревогу, „бѣлокаменная“ опять ослѣла на своемъ прежнемъ мѣстѣ, пронеся черезъ огонь и дымъ черезъ нашествіе непріятельской арміи свой твердо укоренившійся строй, сохранивъ во всѣхъ бѣдствіяхъ свою неизмѣнную фізіономію.

Пушкинъ во внѣшнемъ обличьи города геніально уло

вилъ его внутренній духъ и запечатлѣлъ въ своихъ стихахъ живописную пестроту Москвы.

Мелькаютъ мимо будки, бабы,  
 Мальчишки, лавки, фонари,  
 Дворцы, сады, монастыри,  
 Бухарцы, сани, огороды;  
 Купцы, лачужки, мужики,  
 Бульвары, башни, козаки,  
 Аптеки, магазины моды,  
 Балконы, львы на воротахъ  
 И стаи галокъ на крестахъ.

Въ седьмой главѣ „Евгенія Онѣгина“ встаютъ обвѣянные легкимъ юморомъ картины московскаго быта; мелькаетъ цѣлый рядъ характерныхъ фигуръ и сценъ, развертывается цѣлая панорама московскаго быта въ его различныхъ разновидностяхъ. Вотъ:

У Харитонья въ переулкѣ  
 Возокъ предъ домомъ у воротъ  
 Остановился . . . . .  
 . . . . .  
 Имъ настезь отворяетъ дверь  
 Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ,  
 Съ чулкомъ въ рукѣ сѣдой калмыкъ.  
 Встрѣчаетъ ихъ въ гостиной крикъ  
 Княжны, простертой на диванѣ.  
 Старушки съ плачемъ обнялись  
 И восклицанья полились  
 „Княжна, топ ange!“ „Pachette! Полина!  
 — Кто-бъ могъ подумать? „какъ давно!“  
 — Надолго-ль?—Милая кузина!

— Садись! какъ это мудрено!“  
 Ей Богу, сцена изъ романа....  
 „А это дочь моя, Татьяна“.  
 — Ахъ, Таня! подойди ко мнѣ,  
 Какъ будто брежу я во снѣ...  
 Кузина, помнишь Грандисона?  
 „Какъ, Грандисонъ? а, Грандисонъ!  
 Да, помню, помню. Гдѣ же онъ?“  
 — Въ Москвѣ, живетъ у Симеона;  
 Меня въ сочельникъ навѣстилъ:  
 Недавно сына онъ женилъ  
 А тотъ... но послѣ все расскажемъ,  
 Не правда-ль? Всей ся роднѣ  
 Мы Таню завтра же покажемъ“.

. . . . .  
 И вотъ по родственнымъ обѣдамъ  
 Развозятъ Таню каждый день—  
 Представить бабушкамъ и дѣдамъ  
 Ея разсѣянную лѣнь  
 Роднѣ, прибывшей издалеча,  
 Повсюду ласковая встрѣча,  
 И восклицанья, и хлѣбъ-соль.  
 „Какъ Таня выросла! Давно-ль  
 Я, кажется, тебя крестила?“  
 — А я такъ на руки брала!—  
 „А я такъ за уши драла.  
 — А я такъ пряникамъ кормила!—  
 И хоромъ бабушки твердятъ:  
 „Какъ наши годы-то летятъ!“  
 Но въ нихъ не видно перемѣны;  
 Всѣ въ нихъ на старый образецъ:  
 У тетушки княжны Елены  
 Все тотъ же тюлевый чепецъ;  
 Все бѣлится Лукерья Львовна,  
 Все такъ же жлетъ Любовь Петровна,  
 Иванъ Петровичъ такъ же глупъ,



Семень Пстровичъ такъ же скупъ;  
 У Пелагеи Николавны  
 Все тотъ же другъ, мосье Финмушъ,  
 И тотъ же шпицъ, и тотъ же мужъ;  
 А онъ все клуба членъ исправный,  
 Все такъ же смиренъ, такъ же глухъ  
 И такъ же ѡсть и петь за двухъ.  
 Ихъ дочки Таню обнимаютъ.  
 Младья граци Москвы  
 Сначала молча озираютъ

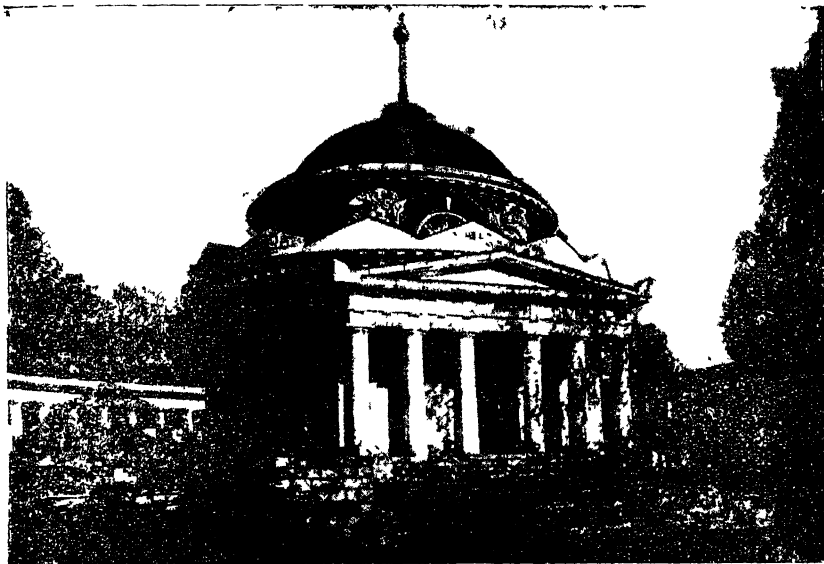
Татьяну съ ногъ до головы;  
 Ее находятъ что-то странно,  
 Провинціальной и жеманной,  
 И что то блѣдной и худой,  
 А, впрочемъ, очень недурной;  
 Потомъ, покорствуя природѣ,  
 Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ,  
 Цѣлуютъ нѣжно руки жмутъ,  
 Взбиваютъ кудри ей по модѣ,  
 И повѣряютъ нарастѣвъ  
 Сердечны тайны, тайны дѣвъ,  
 Чужія и свои побѣды,  
 Надежды, шалости, мечты....  
 Текутъ невинныя бесѣды  
 Съ прикрасой легкой клеветы.

. . . . .  
 Татьяна вслушаться желаетъ  
 Въ бесѣды, въ общій разговоръ;  
 Но всѣхъ въ гостиной занимаетъ  
 Такой безсвязный, пошлый вздоръ;  
 Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;  
 Они клеветуютъ даже скучно;  
 Въ безплодной сухости рѣчей,  
 Вопросовъ, сплетенъ и вѣстей,  
 Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,  
 Хоть невзначай, хоть наобумъ;

Не улыбнется томный умъ,  
 Не дрогнетъ сердце. хоть для шутки.  
 И даже глупости смѣшной  
 Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!  
 Архивны юноши толпою  
 На Таню чопорно глядятъ,  
 И про нее между собою  
 Нсблагосклонно говорятъ  
 Одишь какой-то шутъ печальный  
 Ее находить идеальной,  
 И, прислонившись у дверей,  
 Элегію готовить ей.  
 У скучной тетки Таню встрѣтя,  
 Къ ней какъ-то Вяземскій подсѣлъ  
 И душу ей занять успѣлъ;  
 И близъ него ее замѣтя,  
 Объ ней, поправя свой парикъ,  
 Освѣдомляется старикъ  
 . . . . .  
 Ее привозятъ и въ собранье.  
 Тамъ тѣснота, волненье, жаръ,  
 Музыки грохотъ, свѣчь блистанье,  
 Мельканье, вихорь быстрыхъ паръ,  
 Красавицъ легкія уборы,  
 Людьми пестрѣющіе хоры,  
 Невѣсть обширный полукоугъ,—  
 Все чувство поражаетъ вдругъ.  
 Здѣсь кажутъ франты записные  
 Свое нахальство, свой жилетъ  
 И невнимательный лорнетъ;  
 Сюда гусары отпускные  
 Спѣшать явиться, прогремѣть,  
 Блеснуть, плѣнить и улетѣть.

Такова была Москва—большая, громоздкая, вѣрная старому, любопытная къ новому. Отсутствіе двора съ

его этикетомъ и цѣлой лѣстницей служебныхъ ранговъ не создавало очень прочныхъ общественныхъ перегородокъ въ московскомъ свѣтѣ. Здѣсь люди чувствовали себя проще и непринужденнѣе, здѣсь свободнѣе могли



Архитектура Александровской поры.

развиваться и культурныя силы, входить въ общеніе другъ съ другомъ, не обращая серьезнаго вниманія на ворчливое недоброжелательство стариковъ.

Верхній слой московскаго общества составляло наиболѣе видное русское дворянство, образованное, независимое, далекое отъ честолюбиваго карьеризма Петер-  
зинаида волконская и ея время.

бурга. Разбуженная событіями отечественной войны, близко столкнувшаяся съ Западной Европой благодаря заграничнымъ походамъ нашей арміи, окрыленная тѣми вѣянїями, которыя принесли съ собой первые годы царствованїа императора Александра I, лучшая часть этого дворянства въ началѣ XIX в. проявляетъ весь колоссальный запасъ своихъ культурныхъ силъ и умственныхъ запросовъ.

Въ эту пору во всѣхъ областяхъ жизни и въ умственной и въ художественной и политической начинается усиленное броженіе. Возникають литературные, ученые, философскіе кружки, образуются политическія организаціи, давшїя вполѣдствїи декабристовъ; русское творчество развертывается пышнымъ цвѣтомъ. Ослѣпительно загорается въ литературѣ генїй Пушкина, и ему сопутствуетъ цѣлая плеяда выдающихся талантовъ.

Дворянская культура даже на внѣшнюю обстановку жизни накладываетъ свой отпечатокъ. Вырабатывается особый стиль въ архитектурѣ (александровскїй стиль или русскїй empire), и среди веселой зелени московскихъ садовъ поднимаются стройныя колонны барскихъ особняковъ, которые и до сихъ поръ остаются лучшимъ украшенїемъ Москвы, красивымъ воспоминанїемъ ея блестящаго прошлаго.

Для новыхъ вѣяній смѣшная и пошлая фамусовщина является лишь колоритнымъ фономъ, она не въ силахъ удержать могучую струю жизни, которая бьетъ изъ самыхъ нѣдръ талантливой и образованной части дворянства.

Въ 20-хъ годахъ, когда почти вся русская наука сосредото-

точивалась въ стѣнахъ московскаго университета, около наиболѣе даровитыхъ профессоровъ тѣснилась тогдашняя молодежь, живая, воспріимчивая, горячо интересовавшаяся западно-европейскимъ знаніемъ вообще и въ особенности нѣмецкой философійей. У лицъ, пользовавшихся наибольшими симпатіями, выдававшихся или своей талантливостью, какъ рано умершій поэтъ Дм. В. Веневитиновъ, или просто личнымъ обаяніемъ, какъ С. Е. Раичъ\*) и у многихъ другихъ собирались группировавшіеся около нихъ кружки. На этихъ собраніяхъ, превращавшихся иногда въ большія засѣданія, гдѣ присутствовали въ качествѣ гостей и посторонніе посѣтители, происходилъ обмѣнъ мнѣній по различнымъ вопросамъ. Читались литературныя произведенія, статьи, отрывки, велись горячіе споры, зачастую воодушевлявшіе не только самихъ участниковъ этихъ дебатовъ, но и ихъ слушателей. Въ то время нарождались и развивались въ русской журналистикѣ попытки художественной критики, серьезной постановки вопросовъ литературнаго творчества. Это было время горячее, интересное; въ обществѣ кипѣли молодыя силы, неизрасходуванная энергія.

На ряду съ вопросами науки и литературы, среди нѣкоторыхъ была развита и любовь къ искусству вообще; существовали кружки музыкальные, художественные и артистическіе.

Но несмотря на то, что члены всѣхъ этихъ кружковъ были большею частью знакомы другъ съ другомъ, сами

---

\*) Раичъ—переводчикъ Виргилія. Онъ не отличался дарованіемъ, но имѣлъ репутацію человѣка исключительныхъ душевныхъ качествъ.

кружки существовали обособленно, потому что все же не было тако:о центра, вокруг котораго могли бы объединиться люди самыхъ разнообразныхъ культурныхъ направеній.

Московский салонъ Зинаиды Волконской и сыгралъ такую объединяющую роль.

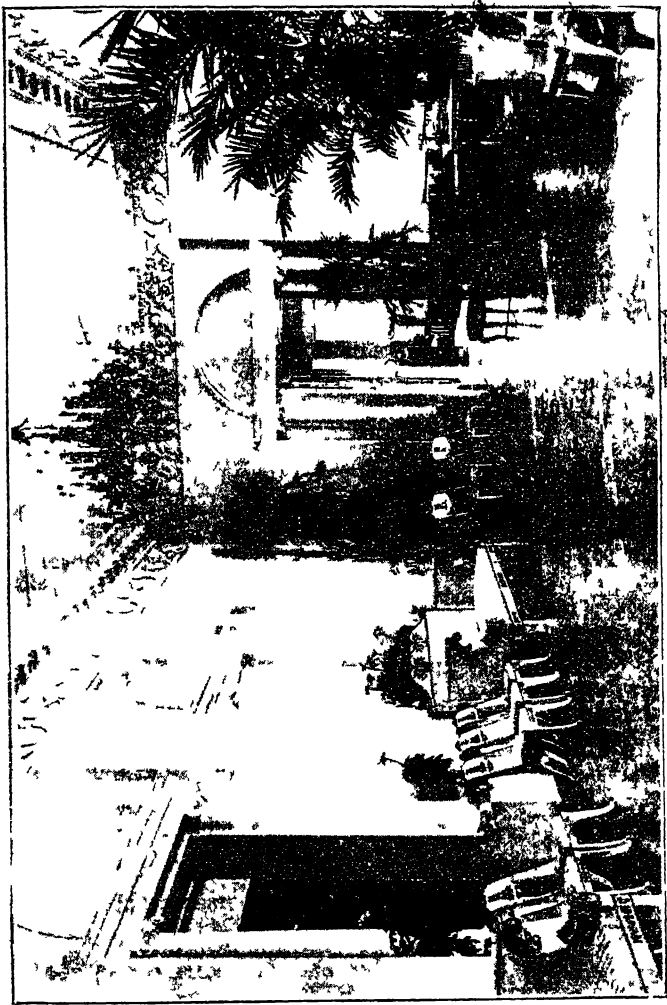
Появленіе въ Москвѣ княгини Зинаиды произвело сильное впечатлѣніе. Жадныя до новостей, падкія на всякіе слухи, гостиныя московскаго свѣта быстро распространили въ обществѣ вѣсть, что знаменитая красавица, пѣвица, писательница,\*) женщина известная своимъ умомъ, связями, блестящимъ положеніемъ при дворѣ, выбрала мѣстомъ своего пребыванія старую столицу. Злые языки московскихъ сплетницъ и сплетниковъ разукрасили эту новость интригующими праздное любопытство разсказами о ней, потому что зависть и недоброжелательство почти всюду распускали о кн. Волконской компрометирующіе слухи.

Все это вмѣстѣ взятое возбудило къ ней сильный интересъ, и всякій, кто могъ получить доступъ въ великолѣпный домъ кн. Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, спѣшилъ познакомиться съ „знаменитостью“ и удовлетворить разгорѣвшееся любопытство.

Но вскорѣ любопытство уступило мѣсто восторженному и въ нѣкоторыхъ случаяхъ и завистливому удивленію. Москвичи увидѣли, вмѣсто обыкновеннаго свѣтскаго салона, дворецъ изящныхъ искусствъ и въ немъ—исключительную по своему очарованію женщину.

---

\*) Въ то время въ русскихъ журналахъ появились переведенные съ французскаго восторженные и одобрительные отзывы о ея трудѣ „Tableau slave“



Залъ подмосковной.

Съ дѣтства впитавшая въ себя любовь къ искусству и привычку къ изящному, Зинаида Александровна и въ Москвѣ создала вокругъ себя міръ, обвѣянный вдохновеніемъ.

Оригиналы и копіи съ знаменитыхъ картинъ и скульптуръ украшали великолѣпныя залы ея дома, и эти собранія выдающихся произведеній искусства не являлись, какъ это особенно часто бываетъ теперь у богачей коллекціонеровъ, показнымъ декоративнымъ элементомъ: потребность въ искусствѣ у княгини Зинаиды была равносильна потребности двигаться и дышать. Она не могла жить иначе. Она была невысказана внѣ красоты. Шедевры искусства являлись какъ бы продолженіемъ ея самой, отражали ея внутренній міръ, полный поэтическихъ стремленій.

Культурная Москва инстинктивно потянулась къ „царицѣ музъ и красоты“, потому что всякая живая мысль, всякій творческій порывъ находили въ ней искренній откликъ. Она умѣла всѣхъ понять и оцѣнить по своему; она была проста, привѣтлива, обаятельна и сердечна, безъ малѣйшей тѣни чего-либо искусственнаго, натянутого.

Ея друзья и почитатели чувствовали, что передъ ними не „свѣтская львица“, ищущая успѣха и популярности, которая надѣваетъ на себя маску изысканныхъ интересовъ и играетъ роль мецената ради удовлетворенія своего самолюбія, ради первенства въ избранномъ обществѣ. Они понимали, что княгиня Зинаида сама—живая стихія искусства, искрающійся лучъ красоты.

Переселясь въ Москву, едва ли она думала о той роли, которую ей придется играть. Все сдѣлалось само собою:



она просто стала „принимать у себя“, продолжая заниматься тѣмъ, что ее интересовало, а тѣ, въ комъ была заложена свѣжая мысль и чувство прекраснаго, разъ подойдя къ ней, уже не могли отъ нея отойти. Она дала имъ необходимое.

Блескъ, окружавшій Зинаиду Волконскую, не смущалъ и не стѣснялъ никого; ни въ ней самой, ни въ окружающей ея атмосферѣ не было ничего чопорнаго, оффиціального. Даже люди съ такимъ скромнымъ положеніемъ, какъ напримѣръ С. Е. Раичъ, занимавшій мѣсто домашняго учителя въ одномъ изъ московскихъ семействъ, чувствовали себя въ ея салонѣ легко и непринужденно.

Княгиня Зинаида сплотила всѣхъ своей воодушевленной любовью къ прекрасному. Ея домъ дѣйствительно былъ „Академіей“, какъ говоритъ ея сынъ, но академіей живой и свободной, чуждой всякаго педантизма.

Въ ея домѣ происходили литературныя бѣсѣды, чтенія, концерты, даже оперные и драматическіе спектакли, въ которыхъ принимали участіе и талантливые любители, и приглашаемые ею пѣвцы и музыканты. Въ то время въ Москвѣ было много музыкантовъ и пѣвцовъ итальянцевъ; Зинаида Волконская, вся насквозь пропитанная итальянскимъ воздухомъ, итальянскимъ солнцемъ и музыкой, чувствовала себя среди нихъ, какъ въ родной стихіи. Домъ ея звучалъ, какъ арфа, и на сценѣ ея домашняго театра, на фронтонѣ котораго стояла надпись „Pridendo dicere verum“, появлялась, блистая красотой и граціей, эта „Сѣверная Коринна“, вся сотканная изъ гармоніи, изъ звуковъ чарующаго голоса...

Вся московская знать была тутъ. Сюда сходились пред-

ставители науки—профессора университета и ихъ наиболѣе даровитые ученики; здѣсь собирались писатели, журналисты, художники и все „оживало по мановенію хозяйки дома, которая умѣла всѣхъ соединить во-едино“.

Наиболѣе извѣстные изъ русскихъ поэтовъ, которые жили въ Москвѣ и тѣ которые пріѣзжали изъ Петербурга— всѣ бывали въ салонѣ Волконской.

Баратынскій, Жуковскій, Языковъ Дельвиговъ, кн. Вяземскій, Козловъ, кн. Одоевскій, Д. Давыдовъ, Дмитрій Веневитиновъ, Соболевскій и другіе—однимъ словомъ весь цвѣтъ русской литературы, литературы еще такъ недавно родившейся и такой яркой мощью своего генія, своей молодой и свѣжей силы. Творчество было въ ней ключемъ; любовь къ искусству окрыляла ее, передъ нею открывались широкіе горизонты будущаго.

Въ то время литературно-художественные круги жили совершенно иною жизнью. Къ литературѣ не было такого профессиональнаго отношенія, которое подъ вліяніемъ различныхъ условій выработалось въ наше время, поэты и писатели принадлежали почти къ одному общественному кругу и, являясь товарищами по перу, были въ то же самое время людьми, воспитанными приблизительно въ однихъ и тѣхъ же понятіяхъ и традиціяхъ. Ихъ многое связывало—имъ легко было понимать другъ друга; для того, чтобы сплотиться и составить одно цѣлое въ искусствѣ, имъ не требовалось спеціально организовывать какія-нибудь общества, сочинять уставы, дабы путемъ искусственнаго подбора попытаться создать болѣе или менѣе однородную среду.

Если въ широкихъ общественныхъ кругахъ и въ томъ

Петербурскомъ свѣтѣ, гдѣ чинъ и карьера стояли на первомъ планѣ, гдѣ, позднѣе, такъ травили Пушкина,—если тамъ не было надлежащаго уваженія ни къ наукѣ, ни къ художественному творчеству, то культурное дворянство особенно въ Москвѣ являлось удобной почвой для развитія высшихъ умственныхъ интересовъ.

Чѣмъ сильнѣе было невѣжество обывателя, чѣмъ невыносимѣе пошлое чванство чиновной аристократіи, тѣмъ глубже была внутренняя связь между „избранными“. Борьба одушевляла ихъ, поднимала на цѣлую голову выше общаго уровня.

Въ то время извѣстность пріобрѣталась не широкой газетной рекламой, какъ въ наши дни. Первыми судьями и критиками, такъ сказать, утверждавшими въ званіи художника, были сами литераторы—близкіе друзья. Они отмѣчали промахи, они же съ безкорыстнымъ восхищеніемъ привѣтствовали и поощряли истинный талантъ. Съ ихъ мнѣніемъ больше, чѣмъ съ критиками журналовъ, считались наши величайшіе поэты. Въ исторіи Пушкина, въ исторіи первыхъ шаговъ его генія самыми важными моментами было признаніе его корифеями тогдашней литературы. И онъ въ періодъ своей поэтической зрѣлости не забывалъ своего лицейскаго экзамена, когда по его словамъ:

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ  
И. въ гробъ сходя, благословилъ.

Какъ не забыть и надписи, сдѣланной ему Жуковскимъ на своемъ портретѣ по случаю окончанія „Руслана и Людмилы“: „Побѣдителю ученику отъ побѣжденнаго учителя“.

Разгромъ декабрьскаго движенія и наступившей вслѣдъ за нимъ долгой и тягостный гнетъ Николаевскаго царствованія заглушили и придавили живые побѣги молодой русской культуры. Многое съ корнемъ было вырвано изъ жизни, многое увяло. Единеніе въ значительной степени исчезло, потому что каждому было только до себя. Болѣе прямые и сильные боролись въ одиночку, пока не сломились, болѣе податливые согнулись, приспособляясь къ настроенію момента...

Но въ 20-хъ годахъ, въ ту пору, когда сравнительно легко вѣрилось и свободнѣе жилось, умственное и художественное ядро жизни было крѣпко. Блестящая пушкинская плеяда высоко держала знамя литературы. Каждое новое поэтическое произведеніе, прежде чѣмъ появиться въ печати и быть представленнымъ „на судъ толпы“, проходило черезъ „художественное святилище“ — черезъ избранныхъ, которые слушали его изъ устъ самого автора и съ нимъ дѣлились своимъ впечатлѣніемъ. Здѣсь писатель имѣлъ дѣло не съ читательской массой, сужденія которой такъ неглубоки и случайны и зависятъ отъ настроенія минуты, отъ голоса прессы, къ которому такъ слѣпо прислушивается толпа. Въ тѣ времена была аристократія искусства, сплоченная художественная среда, и она создавала благопріятную атмосферу для истиннаго творчества, давала предпочтеніе вѣчному передъ временнымъ, дѣлала невозможнымъ въ своей сферѣ какое-либо литературное ремесленничество, исканіе дешеваго успѣха и дешевой популярности.

Зинаида Волконская, не оставившая по себѣ замѣтнаго вещественнаго слѣда ни въ литературѣ, ни въ наукѣ,

тѣмъ не менѣ сыграла очень важную роль въ исторіи нашего умственнаго и художественнаго развитія, съ одной стороны, объединяя разобщенныя силы отдѣльныхъ умственныхъ ячеекъ въ одно цѣлое, съ другой—популяризируя и прививая въ широкихъ кругахъ тогдашняго московскаго общества интересъ къ вопросамъ высшаго порядка, сближая въ своемъ салонѣ ученыхъ, писателей, художниковъ съ той средой, которая прежде стояла отъ нихъ въ сторонѣ. И то, что не удалось бы другимъ, удавалось ей, потому что она—знатная и богатая аристократка—могла въ значительной степени диктовать законы московскому свѣту.

Въ ея салонѣ можно было увидѣть всѣхъ, начиная отъ звѣздъ первой величины, кончая тѣми характерными фигурами прошлаго вѣка, которыя, не имѣя отъ природы никакого таланта, тѣмъ не менѣ тянулись къ области изящныхъ искусствъ, изоощрялись на досугѣ въ сочинительствѣ сонетовъ, эпитафій, повѣстей и т. д., жеманно ухаживали за литературой, какъ за дамой, писали комплименты въ стихахъ, были знакомы со всѣми, появлялись всюду, сентиментальные, торжественные, комическіе.

Таковъ былъ князь Шаликовъ, издатель „Дамскаго журнала“, восторженный поклонникъ Зинаиды Александровны, который перевелъ на русскій языкъ и издалъ ея „Славянскую картину“ (Tableau Slave) въ 1825 году. Появленіе этого труда Зинаиды Волконской обратило на себя вниманіе тогдашняго ученаго міра Москвы. Несмотря на бросающіеся теперь въ глаза его недочеты, по тѣмъ временамъ онъ заслуживалъ большого интереса, обнаруживая основательное знакомство автора съ цѣлымъ рядомъ историческихъ источниковъ.

Ученый труд очаровательной свѣтской женщины еще больше увеличилъ ея извѣстность въ обществѣ, а „Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ“ при московскомъ университетѣ избрало ее своимъ почетнымъ членомъ. Избраніе состоялось 15-го октября 1825 года, и археологъ М. И. Снегиревъ, по порученію предсѣдателя общества А. О. Писарева, вручилъ княгинѣ дипломъ на званіе почетнаго члена. Въ воспоминаніяхъ своихъ Снегиревъ передаетъ, что она приняла его очень привѣтливо, говорила съ нимъ о памятникахъ русскаго народнаго творчества и возбудила въ немъ большое удивленіе „знаніями такихъ предметовъ, которыя при ея положеніи въ свѣтѣ казались ей мало извѣстны“

Князь Шаликовъ отмѣтилъ и это событіе—избраніе первой женщины въ почетные члены общества—новыми напыщенными стихами.\*)

„Блестящихъ дожили времянь  
Мы въ щастливой отчизны долѣ:  
Прекрасный нынѣ феномень  
Явился намъ въ прекрасномъ полѣ.  
Княгиня! лучшею онъ славою своей  
Обязанъ будетъ вновь—учености твоей....“

Почетнымъ членомъ другого учрежденія, а именно Общества Любителей Россійской Словесности Зинаида Александровна была избрана въ 1826 году 19-го февраля на основаніи слѣдующаго предложенія почетнаго члена А. А. Писарева (отъ 10-го февраля того-же года): „По важности предмета и по красотѣ стиховъ неизлиш-

\*) „Дамскій журналъ“. 1825 г. № 23

нимъ почитаю препроводить въ Общество Словесности стихотворенія Ея Сіятельства княгини Зинаиды Александровны Волконской для прочтенія въ общемъ засѣданіи



Д. В. Веневитиновъ.

и для помѣщенія въ трудахъ Общества, а достойную стихотворицу, какъ знаменитую особу, почтить титломъ почетнаго члена Общества“.

Общество, „уваживъ предложеніе“, поручило дѣйст-

вительному члену *Θ. Θ. Кокошкину* прочесть стихотвореніе „*Александрѣ I*“ княгини *З. А.*, „первой женщины въ званіи почетнаго члена“ въ ея присутвіи на засѣданіи 27-го февраля 1826 года и затѣмъ помѣстить это произведеніе въ своемъ изданіи—„*Сочиненія въ прозѣ и стиха*“ (ч. VI, кн. 17 стр. 191—192; кн. 18, стр. 289—291).

Среди писателей, ученыхъ, художниковъ и простыхъ смертныхъ, поклонявшихся и удивлявшихся уму, талантамъ и обаянію *Зинаиды Волконской*, „былъ одинъ юный даровитый поэтъ въ родѣ *Andre' Chenier*, котораго влекло къ ней не одно блестящее общество: горящій чистой, но страстной; любовью, ей посвящаль онъ свои звучные меланхолическіе стихи“ \*)

Такъ говоритъ одинъ изъ современниковъ о *Дм. В. Веневитиновѣ*:

„Любовь *Веневитинова* къ *Зинаидѣ Волконской*, любовь юношески восторженная, почти молитвенная, но безнадежная—является одной изъ самыхъ поэтическихъ страницъ жизни этой замѣчательной женщины. Эта же любовь кладетъ печать грусти и печальнаго вдохновенія на послѣдніе годы безвременно угасшаго поэта.

*Зинида Александровна* не состояла въ перепискѣ съ *Веневитиновымъ*, и ихъ знакомство почти не оставило слѣда. Можно догадываться, что „*Сѣверная Коринна*“ отвѣчала глубокой дружеской симпатіей юношѣ поэту и сожалѣла о его страданіяхъ. *Веневитиновъ* умеръ 22 лѣтъ отъ роду, унеся съ собою въ могилу исключительно

\*) „Знакомство съ русскими поэтами *А. Н. Муравьева*. Кіевъ 1871 г.“



ный талант, которому не суждено было расцвѣсти до конца. Съ внѣшней красотой онъ соединялъ и внутреннее обаяніе: благородный и открытый образъ мыслей, свѣтлый и живой умъ, дѣтское просто-сердечіе и знаніе требованій лучшаго общества такъ плѣнительно сливались въ немъ говорить П. А. Плетневъ, что узнавъ его, нельзя было не любить "...

Въ стихахъ Веневитинова отразилось его чувство къ княгинѣ Волконской чувство оставшееся безъ взаимности, которое отъ восторга переходило къ острой тоскѣ. И онъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые съ затаеннымъ дыханіемъ прислушивались къ ея пѣнію\*)

Волшебница! Какъ сладко пѣла ты  
 Про дивную страну очарованья  
 Про жаркую отчизну красоты!  
 Какъ я любилъ твои воспоминанья,  
 Какъ жадно я внималъ словамъ твоимъ  
 И какъ мечталъ о краѣ неизвѣстномъ!

Въ другомъ стихотвореніи: „Къ моей богинѣ“, несомнѣнно посвященнымъ тоже княгинѣ Зинаидѣ и написанномъ уже послѣ отъѣзда изъ Москвы, въ Петербургѣ, онъ говоритъ:

Что счастье мнѣ? Зачѣмъ оно?  
 Не ты-ль твердила, что судьбою  
 Оно лишь робкимъ здѣсь дано,  
 Что счастья съ пламенной душою  
 Нельзя въ семь мірѣ сочетать,  
 Что для него мнѣ не дышать....

---

\*) См. въ прилож. „Элегія“.

. . . . .  
 При прощаньи Зинаида Александровна подарила поэту перстень, найденный на развалинах Геркуланума. Веневитиновъ не разставался съ нимъ никогда и ему посвящалъ два стихотворенія\*)

Въ апрѣлѣ 1825 года Зинаида Александровна была въ Петербургѣ и въ Царскомъ Селѣ, гдѣ видѣлась съ Императоромъ Александромъ, послѣ его отъѣзда она вернулась опять въ Москву. Это было ея послѣднее свиданье съ Государемъ и что оно носило такой же дружескій характеръ, какъ и прежнія можно видѣть изъ письма Александра, въ которомъ онъ между прочимъ говоритъ ей: „... ..радость знать, что вы такъ близко и что черезъ нѣсколько часовъ я васъ увижу, огромная.

Между 5 и 6 часами явлюсь къ дверямъ вашимъ съ живѣйшимъ нетерпѣнiемъ выразить вамъ, какъ глубоко я тронутъ дружбой вашей. Располагая столь мало своимъ временемъ, я не хотѣлъ братья за перо прежде, чѣмъ могъ извѣстить васъ, что мнѣ удалось устроить то, о чемъ вы меня просили. Это немного замедлилось потому что надо было преодолѣть не мало трудностей“..

А 19-го ноября того же года Императора Александра не стало... Кн. Никита Григорьевичъ Волконскій, мужъ З. А., поѣхалъ въ Таганрогъ, чтобы принять участие въ перевезенiи тѣла покойнаго Императора въ Петербургъ, княгиня съ сыномъ осталась въ Москвѣ.

Смерть Государя глубоко ее поразила. Въ ея произведенiяхъ сохранился отрывокъ изъ ея большого письма

---

\*) „Къ моему перстню,“ и „Завѣщанiе“ см. въ приложенiи.

къ бывшему руководителю ея научныхъ занятій, Андрѣ Меріану, въ 1826 году.

„Я уже говорила, вамъ пишетъ З. А. о своемъ горѣ, которое является горемъ цѣлой Россіи. Европа раздѣляетъ и понимаетъ его; Это несчастье огромно, но оно особенно неутѣшно для тѣхъ, которые, подобно мнѣ, теряютъ въ немъ ангела покровителя, утѣшителя, стоявшаго на стражѣ нашего спокойствія, благополучія, нашего будущего.

Я разскажу вамъ подробно о его болѣзни, о всемъ, что произошло. Въ этихъ мучительныхъ воспоминаніяхъ я почерпаю облегченіе своей боли.— Не далѣе, какъ сегодня, его дорогіе останки покинули Москву. Я еще вижу черное сукно, повѣшенное на окнахъ, на балконахъ вдоль всѣхъ домовъ и спрашиваю себя: для кого все это? Мое сердце обливается кровью. Неужели этотъ трауръ для Императора Александра, который проѣзжалъ по этой самой улицѣ и какъ еще?— Вѣдь немного лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда онъ ѣхалъ здѣсь, вызывая восторженный энтузіазмъ, и народъ останавливалъ его лошадей, чтобы взглянуть на него; именно здѣсь толпа разорвала на кусочки его платокъ, чтобы каждому сохранить частицу... Неужели теперь все это для него! У меня не хватило силы видѣть, когда подъ окнами проходила эта жуткая процессія. Но я отдала ему послѣдній долгъ въ Коломенскомъ въ 7 верстахъ отсюда: тамъ процессія остановилась на всю ночь передъ вѣздомъ въ Москву, и тамъ поклонилась я гробу и молилась около него. Нѣсколько крестьянъ и простыхъ женщинъ пришли, какъ и я, приложиться къ печальной гробницѣ, зинаида волконская и ея время.

которую окружили дежурившіе въ ту ночь адъютанты; священникъ читаль молитвы и только его голось и былъ слышенъ. Какъ описать вамъ то, что я испытывала? Сердце во мнѣ упало. Входя въ церковь, я уже почувствовала, что теряю силы. Какъ описать вамъ, что я пережила, замѣтивъ въ темнотѣ похоронную колесницу, которая привезла его сюда изъ Таганрога... Каково было мнѣ, стоя на паперти, видѣть ее, мнѣ, которая бывала такъ счастлива, увидѣвъ его дорожную коляску, возвращавшую его къ намъ, мнѣ, которая прежде могла сказать: вотъ я увижу его на этихъ дняхъ, услышу его голось, исполненный прелести, ему одному свойственной“...

Кончина Императора Александра не была единственной печалью кн. Волконской. Послѣдовавшія за ней событія: возстаніе 14-го декабря, судъ, казнь и ссылка осужденныхъ, многочисленные аресты лицъ, причастныхъ и даже не причастныхъ къ политическому заговору подавляюще подѣйствовали на москвичей. Жена декабриста И. А. Анненкова въ своихъ „Запискахъ“ интересно передаетъ то впечатлѣніе, которое произвело на Москву событіе 14 декабря. Ея разсказъ заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что она, будучи иностранкой, совершенно незнакомой не только съ общественнымъ движеніемъ той эпохи, но и съ самымъ укладомъ русской жизни, могла очень ярко воспринять неожиданную для нея рѣзкую перемѣну въ настроеніи москвичей, внѣшнюю картину происшедшаго переполоха, на которую не обращали особеннаго вниманія люди, осведомленные о совершившихся событіяхъ и всецѣло поглощенные

судьбой своих близких или же безпокойством за свою собственную участь.

„Вся Москва встревожилась, пишегъ Анненкова.\*) Въ домахъ царствовало глубокое уныніе. На улицахъ встрѣчались 'одни мрачныя и грозныя лица, всѣ ходили, какъ приговоренныя, и никто не смѣлъ громко говорить о случившемся. Это было время всеобщаго страха, печали и слезъ..... На Кузнецкомъ мосту.....я всякій разъ встрѣчала повозки, тщательно закупоренныя со всѣхъ сторонъ и сопровождаемая жандармами. Повозки были наполнены арестованными и приводили меня въ содроганіе...

Изъ салона Зинаиды Александровны исчезли многіе лица. Подозрѣнія со стороны администраціи и боязнь за участь свою и своихъ близкихъ наложили печать траура на московское общество. Многіе кружки, далекіе отъ всякихъ политическихъ задачъ, закрылись изъ опасенія непріятностей. Зинаида Александровна и въ этомъ случаѣ пыталась ходатайствовать за своихъ друзей передъ новымъ императоромъ, но неизвѣстно, какъ встрѣчено было ея заступничество. Времена измѣнились, она потеряла своего коронованнаго друга...

Празднства, начавшіяся въ Москвѣ по случаю коронаціи Николая I, опять оживили растерянную и опечаленую столицу. Приѣздъ Пушкина и присутствіе Мицкевича на время подняли упавшій духъ... Но Пушкинъ уѣхалъ, а вслѣдъ за нимъ собрались въ Петербургъ и другіе, въ томъ числѣ и Дм. Веневитиновъ, который долженъ былъ поступить на службу

\*) Записки П. Е. Анненковой (Pauline Gueble) 1914.

Тотчасъ по прїѣздѣ въ Петербургъ, Веневитиновъ былъ арестованъ. Онъ не имѣлъ никакого отношенія къ декабристамъ, но подозрительность правительства не щадила никого и, возможно, что косвенной причиной этого ареста была сама Зинаида Волконская, которая просила молодого поэта и ѣхавшаго вмѣстѣ съ нимъ Ѡ. Хомякова взять съ собой въ попутчики француза Воше, бібліотекаря и близкаго друга гр. Лавалы (отца жены декабриста кн. Е. И. Трубецкой). Воше провожалъ ѣхавшую къ мужу въ Сибирь кн. Трубецкую и, по возвращеніи въ Москву, прожилъ нѣсколько дней у кн. Волконской. З. А. зная, какъ слѣдятъ за всѣми, кто имѣетъ хотя бы самую отдаленную связь съ декабристами, поручила Воше заботамъ своихъ друзей. По всей вѣроятности, это совмѣстное путешествіе и вызвало арестъ Веневитинова. Поэта держали около двухъ недѣль въ сырѣмъ и холодномъ помѣщеніи петербургскаго гауптвахта, подвергли тягостному допросу и все это сильно отразилось на его слабѣмъ организмѣ. Кромѣ того, его угнетала тоска разлуки съ близкими. Ему недолго пришлось прожить въ Петербургѣ: послѣ непродолжительной болѣзни онъ скончался 15 марта 1827г. Эта ранняя смерть юноши, подававшего такія блестящія надежды, вызвала глубокую печаль не только среди его друзей, но и среди тогдашнихъ литературныхъ круговъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и Зинаида Александровна, по словамъ одного изъ современниковъ, „оказывавшая ему нѣжную прїязнь,“ была искренно огорчена этой утратой.

Послѣдніе годы, проведенные Зинаидой Волконской въ Москвѣ, уже прошли въ иной атмосферѣ. Правда,

попрежнему собиралось въ ея салонѣ многочисленное общество, устраивались, по выраженію одного изъ современниковъ, „академическіе обѣды“, поддерживалась ея связь съ учеными и литературными кругами, но пережитыя волненія и потери не могли пройти совершенно безслѣдно ни для нея, ни для самихъ москвичей. „Александровская эпоха“ отошла, общество почувствовало на себѣ тяжелый гнетъ полицейскаго режима, смѣлые порывы угасли, молодости, бодрости настроенія больше не было.

Мало сохранилось свѣдѣній о томъ, какъ чувствовала себя въ это время княгиня Зинаида. При живости своего характера, горячей впечатлительности своей артистической натуры едва ли могла она впасть въ сильную меланхолію, но несомнѣнно, что приблизительно къ этому времени въ ея душѣ началъ подготавливаться тотъ переворотъ, который позднѣе выдвинулъ на первый планъ мистическія переживанія.

Въ 20-ыхъ годахъ прошлаго вѣка въ высшихъ кругахъ русскаго общества было распространено сильное тяготѣніе къ мистицизму. Ему поддался въ значительной степени и императоръ Александръ I-ый, который находился подъ вліяніемъ знаменитой баронессы Крюднеръ и другихъ лицъ, охваченныхъ тѣмъ же настроеніемъ. Православное духовенство по своему умственному состоянію не могло всегда отвѣчать на сложные и запутанные запросы мистически настроенныхъ нервныхъ натуръ и этимъ воспользовались находившіеся въ Россіи іезуиты, которые и раньше вели дѣятельную пропаганду католицизма среди русской аристократіи. Послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Россіи при Александрѣ I-омъ дѣятельность ихъ нисколько

не сократилась; изъ открытой она сдѣлалась подпольной и ловко раскинутыя сѣти патеровъ продолжали съ успѣхомъ улавливать все новыхъ и новыхъ почитателей папскаго престола.

Неизвѣстно, при какихъ обстоятельствахъ и когда именно совершился переходъ въ католичество Зинаиды Волконской. Но можно думать, что главную роль въ ея обращеніи сыграли не столько слуги ордена Іисуса, сколько ея собственная склонность къ католицизму. Съ дѣтства жившая за границей, а именно въ Италіи, гдѣ религиозный культъ экспансивныхъ южанъ долженъ былъ производить на нее сильное впечатлѣніе, гдѣ она видѣла торжественныя религиозныя церемоніи (какъ на примѣръ „Ночь наканунѣ Рождества“ на островѣ Комо, такъ поэтически ею описанная) и была окружена атмосферой католицизма—Зинаида Александровна несомнѣнно сроднилась съ этимъ вѣроисповѣданіемъ и внѣшне и внутренно гораздо глубже, нежели съ обрядами и ученіемъ православной церкви, тѣмъ болѣе, что почти до 30 лѣтъ она даже не владѣла достаточно свободно своимъ роднымъ языкомъ. Какія\* религиозныя понятія внушала ей ея отецъ—намъ не извѣстно, а въ приведенномъ нами выше отрывкѣ ея автобіографіи она говоритъ о томъ, что ничего не знала о религиозныхъ идеяхъ своей матери. На основаніи этихъ ея словъ можно предположить, что она имѣла въ виду именно вопросъ о томъ, какого вѣроисповѣданія придерживалась ея мать—католическаго или православнаго. Можетъ быть, католицизмъ уже былъ и раньше посѣянъ въ семьѣ Бѣлосельскихъ—Бѣлозерскихъ, и Зинаида Александровна въ тотъ періодъ, когда въ ней



особенно властно заговорили религіозныя чувства, рѣшила и формально примкнуть къ католической церкви, а иезуиты лишь помогли ей выполнить ея намѣреніе.

Насколько можно судить по нѣкоторымъ отрывочнымъ даннымъ, переходъ въ католичество и недовольство этимъ со стороны императора Николая побудили кн. Волконскую покинуть Россію. Съ какимъ чувствомъ уѣзжала она въ это изгнаніе? Было ли ей тяжело оторваться отъ страны, хотя сравнительно и мало знакомой, но родной по крови, покинуть Москву, съ которой она успѣла сжиться и сблизиться, или она отчасти добровольно переселилась въ Италію, гдѣ протекли ея ранніе годы, сложились первыя понятія и впечатлѣнія—отвѣтить на этотъ вопросъ трудно.

До самаго своего отъѣзда она не переставала не только интересоваться культурной русской жизнью, но и принимала въ ней живѣйшее участіе. У нея явилась мысль основать общество, которое бы служило цѣлямъ ознакомленія съ Россіей Западной Европы. Поэтому поводу она вела дѣятельную переписку съ европейскими учеными и обратилась къ предсѣдателю „Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“, А. А. Писареву съ предложеніемъ учредить при обществѣ „Патріотическую Бесѣду“ \*) Въ письмѣ своемъ Зинаида Александровна объясняла значеніе такого общества „знакомить Западную Европу съ достопримѣчательностями нашего отечества, собирать свѣдѣнія о русскихъ древностяхъ всякаго рода и доставлять пособия къ сочиненію и напечатанію достойныхъ уваженія

---

\*) Такое названіе должно было носить новое общество.

твореній касательно русской исторіи, археологіи, древней географіи, филологіи славянскихъ и другихъ племенъ, подвластныхъ Россіи.“ „По предложенію кн. Волконской ученые труды „Патріотической бесѣды“ предполагалось сосредоточить въ журналѣ, издаваемомъ ежемѣсячно на языкѣ, употребительномъ во всемъ ученномъ мірѣ, а именно на французскомъ“.

Письмо Зинаиды Александровны было заслушано въ засѣданіи общества 28 апрѣля 1827 года и вызвало слѣдующую резолюцію: „имѣть о семъ разсужденіе въ слѣдующее засѣданіе, а для соображенія письмо сіе сообщить г. г. членамъ“. Но, неизвѣстно, по какимъ причинамъ, вопросъ этотъ на собраніяхъ членовъ не обсуждался и мысль кн. Волконской не была выполнена. Почему „Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, незадолго передъ тѣмъ избравшее такъ торжественно въ число своихъ почетныхъ членовъ кн. З. А. за ея „Славянскую картину“, столь холодно отнеслось къ ея интересному проекту—судить трудно, но есть нѣкогорая возможность предполагать, что здѣсь повліялъ извѣстный упадокъ настроенія, переживаемый тогда Россіей: не было особенно живой инициативы, не было свѣжей энергіи, безъ которыхъ нельзя было начинать подобнаго дѣла.

Едва ли эта неудача прошла незамѣтно для Зинаиды Волконской. Въ данномъ случаѣ потерпѣло крушеніе ея живое желаніе быть полезной для своей родины, которую она всѣми силами стремилась цонять и изучить и тѣмъ наверстать долгіе годы своего невольнаго отчужденія отъ нея. Она не могла не сознавать, что уже многое ею упущено: русскій языкъ, такъ поздно усвоенный, не могъ

стать ея роднымъ языкомъ; ея русскіе поэтическіе опыты были мало удачны...

Весною 1829 года кн. Волконская съ мужемъ и сыномъ покинула Москву и отправилась за границу. Озабоченная воспитаніемъ своего сына, не желая порывать въ немъ связи съ Россіей, она уговорила поѣхать съ ними, въ качествѣ его воспитателя, С. П. Шевырева, который долженъ былъ приготовить молодого князя Александра Никитича для поступленія его въ Московскій университетъ.

Глубокимъ сожалѣніемъ отозвались друзья „Сѣверной Коринны“ на ея отъѣздъ. Они чувствовали, что она не вернется къ нимъ, что обрывается связывающая ихъ нить... вмѣстѣ съ нею уходилъ и тотъ міръ красоты, который она создавала вокругъ себя, исчезала „Академія“, гдѣ была ключомъ яркое чувство и живая мысль.

Москва должна была осиротѣть...

И Москва проводила ее, какъ провожаютъ люди грезу своей молодости, свою весну—поэтической грустью, благодарностью за пережитое. Ей посвятили стихи не только поэты, но даже люди, не занимавшіеся изящной литературой. Каждый писалъ какъ могъ и если посвященія эти не всегда обнаруживали въ авторѣ талантъ, то выражали общее настроеніе, вызванное разлукой.

Въ торжественныхъ строфахъ обращался Шевыревъ отъ имени Москвы, къ древнему городу, который она избрала мѣстомъ своего жительства.

Къ Риму древнему взываетъ  
Златоглавая Москва  
И любовью окрыляетъ  
Хладомъ сжатія слова.

Древней славой градъ шумящій  
 Приими привѣтъ Москвы,  
 Юной славою гремящей  
 Въ золотыхъ устахъ молвы  
 Я въ покровъ твой благосклонный  
 Довѣряю, царь градовъ,  
 Лучшій перль мойя короны,  
 Лучшій цвѣтъ моихъ садовъ...

. . . . .

Въ стихахъ поэта Павлова „На отъѣздѣ въ Италію кн. Волконской“—чувствуется пониманіе тѣхъ отличительныхъ свойствъ ея природы, которыя помѣшали ей до конца сродниться съ Россіей и влекли ее въ иной міръ, все таки болѣе близкій ея душѣ.

Какъ соловей на зимнія квартиры  
 Подъ небо лучшее летить,  
 Такъ и она въ отчизну сладкой лиры  
 Воскреснуть силами спѣшитъ.

И далеко отъ родины туманной  
 Ее веселье обойметъ,  
 Какъ прежній гость, какъ гость желанный,  
 Она на югъ запоетъ.

Тамъ ей и быть, гдѣ солнца лучъ теплѣе,  
 Гдѣ такъ роскошны небеса,  
 Гдѣ чловѣкъ съ искусствами дружнѣе  
 И гдѣ такъ звучны голоса....

. . . . .

Гдѣ-бъ ни была, волшебныя искусства  
 Спѣшили дань ей принести  
 И на землѣ безъ горестнаго чувства  
 Никто ей не сказалъ: „Прости!“

Ее хранить въ странахъ румяныхъ свѣта  
 И память сердца и ума...  
 Ахъ! для чего въ Италіи все лѣто  
 И для чего у насъ зима!

Въ прекрасныхъ стихахъ Баратынскаго, гдѣ выражена почти та же мысль, мы находимъ яркое сопоставленіе Россіи съ Италіей:

Изъ царства виста и зимы,  
 Гдѣ подъ управой ихъ двоякой  
 И атмосферу и умы,  
 Сжимаетъ холодъ одинакой  
 Гдѣ жизнь какой-то тяжкій сонъ,  
 Она спѣшитъ на югъ прекрасный  
 Подъ Авронеискій небосклонъ..

„Тамъ лучше ей“—говоритъ поэтъ... „Тамъ лучше ей“—это сознавали всѣ друзья, княгини Зинаиды, понимавшіе, что въ „царствѣ виста и зимы“, въ суровой атмосферѣ Николоевской Россіи, не могла цвѣсти свободно и легко эта хрупкая лилія...

И. Кирѣевскій такъ говоритъ о княгинѣ Зинаидѣ и ея судьбѣ:

„Кому судьба дала больше средствъ дѣйствовать на успѣхи изящныхъ искусствъ въ Россіи? Рожденная съ душою поэтической, открытою для всего прекраснаго, одаренная талантами самыми рѣдкими, воспитанная посреди роскоши самаго утонченнаго просвѣщенія, съ-самого дѣтства окруженная всѣмъ блескомъ искусствъ, всею славою художественныхъ созданій—она казалась сама однимъ изъ самыхъ счастливыхъ изящныхъ произведеній судьбы. О чемъ другіе мечтаютъ лишь издали, что другіе разга-

дываютъ только по слуху, то являлось передъ нею живо и близко. Всѣ рѣдкости европейской образованности, всѣ чудеса просвѣщенныхъ земель и великія художества и великіе художники, и знаменитые писатели, и лица, принадлежащія исторіи, и лица, принадлежащія минутѣ,—все это быстро и ярко пронеслось передъ ея глазами, все это должно было оставить слѣды драгоцѣнные на молодомъ ея воображеніи, всѣмъ этимъ она могла дѣлиться со своими соотечественниками, ставши прекрасною посредницею между ними и тѣмъ, что просвѣщенный міръ имѣетъ самаго замѣчательнаго.

Но этого не сбылось...

Италія сдѣлалась ея вторымъ отечествомъ, и, впрочемъ, кто знаетъ? можетъ быть необходимость Италіи есть общая, неизбѣжная судьба всѣхъ, имѣвшихъ участь ей подобную? Кто изъ первыхъ впечатлѣній узналъ лучший міръ на землѣ, міръ прекраснаго; чья душа отъ перваго пробужденія къ жизни была, такъ сказать, взлелѣяна на цвѣтахъ искусства и образованности, въ теплой итальянской атмосферѣ изящнаго; можетъ быть, для того уже нѣтъ жизни безъ Италіи, и синее итальянское небо, и воздухъ итальянскій, исполненный солнца и музыки, и итальянскій языкъ, проникнутый всей прелестью нѣги и граціи, и земля итальянская, усѣянная великими воспоминаніями, покрытая, зачарованная созданьями геніальнаго творчества,—можетъ быть все это становится уже не прихотью ума, но сердечною необходимостью, единственнымъ неудушающимъ воздухомъ для души, избалованной роскошью искусствъ и просвѣщенія...“ \*)

\*) И. Кирѣевскій „О русскихъ писательницахъ“.

Насколько почувствовала Москва отсутствіе Зинаиды Волконской, можно видѣть хотя бы изъ письма, написаннаго въ Римъ Шевыреву однимъ изъ его московскихъ друзей: „...двѣ пѣсни „Не говори ни да, ни нѣтъ“ и „На отъѣздъ“, назначаю для княгини... Романсы были написаны въ одно время, если не ошибаюсь, для ея голоса, вскорѣ по отъѣздѣ вашемъ изъ Москвы. Они дополняютъ дань, которую принесли ей въ прощальный часъ почитатели ея таланта, нѣтъ, болѣе, чѣмъ таланта. Пусть она увѣрится, что память о ней сохраняется въ каждомъ, кто только зналъ ея!.. Архивъ \*) теперь пустота безлюдная: вы были ея оазисы, пріѣзжайте обновить Москву... Кирѣевскіе уѣхали, Веневитиновъ, Павловъ... у насъ глухая осень...“

Переселеніе за границу начинается собою новый періодъ жизни Зинаиды Волконской. Но, уѣхавъ изъ Москвы, она не порвала съ нею связи, по крайней мѣрѣ первое время. Слишкомъ дороги были для нея воспоминанія о ея друзьяхъ, слишкомъ сильно чувство любви къ Россіи, которое вкоренилось въ ея душѣ, несмотря на чужеземное воспитаніе, несмотря на то, что судьба, по словамъ Киреевскаго, сдѣлала Италію ея вторымъ отечествомъ“.

---

\*) Въ архивѣ служили очень даровитые представители молодежи, въ числѣ которыхъ были Веневитиновъ, Киреевскій, Соболевскій Шевыревъ и др. кот. Пушкинъ называлъ „архивными юношами“.

## IV.

„Какое блаженство стремиться въ Италію, удалиться отъ холодныхъ вѣтровъ, отъ сухой песчаной земли, отъ лѣнливой природы сѣвера. Какое блаженство дышать весеннимъ воздухомъ послѣ болѣзни: вѣдь и зима—болѣзнь, страданіе земли... Она такъ-же всѣ краски стираетъ и превращаетъ въ блѣдность, она такъ же изсушаетъ всѣ источники жизни и даже слезы жаркія оставливаются и превращаются въ капли ледяныя“...

Такъ писала въ отрывкахъ изъ своихъ путевыхъ воспоминаній кн. З. А. Волконская, и есть основаніе думать, что, несмотря на всю горечь разлуки съ Россіей, особенно же съ Москвой и московскими друзьями, она почувствовала радостное оживленіе, когда ее охватилъ знакомый воздухъ западной Европы, когда на нее повѣяло близостью Италіи.

Въ Римѣ она поселилась въ купленной ею виллѣ Palazzo Poli, построенной на развалинахъ древняго дворца и управлявшейся въ старый римскій водопроводъ, который служилъ ей терассой. Вилла представляла собою сплошной цвѣтникъ и отличалась необыкновенной живописностью и красотой. Художественный вкусъ княгини Зинаиды сказался и въ этомъ случаѣ: она сумѣла себѣ выбрать и устроить такой уголокъ, который отвѣчалъ всѣмъ требованіямъ ея тонкой эстетически изысканной натуры. Вилла эта, носящая теперь названіе Villa Volkonsky, сохранилась до сихъ поръ и принадлежит приемной внучкѣ кн. Зинаиды Александровны—маркизѣ Н. В. Кампанари.



Въ Римѣ, если не считать поѣздокъ по Европѣ и двукратнаго появленія въ Россіи на очень непродолжительное время, протекаетъ вторая половина жизни З. А. Волконской. Краткій перечень всѣхъ извѣстныхъ намъ событій изъ этого періода жизни „Сѣверной Коринны“ не дастъ читателю яснаго представленія о томъ, какъ сложились годы ея зрѣлаго возраста, въ какихъ условіяхъ протекала ея старость. Съ момента переселенія за границу свѣдѣнія о княгинѣ Зинаидѣ доходятъ лишь по отрывочнымъ сообщеніямъ переписки ея самой, ея друзей и знакомыхъ и мы, не останавливаясь на всѣхъ отдѣльныхъ подробностяхъ, попробуемъ въ самыхъ общихъ чертахъ обрисовать послѣднія тридцать съ небольшимъ лѣтъ ея жизни.

Попытка полнаго „обрусѣнія“ кн. Волконской не удалась. Ей не пришлось связать себя тѣсными и неразрывными узами со своимъ отечествомъ, слить свою жизнь съ русской жизнью въ общій недѣлимый потокъ. Но вынесенныя ею впечатлѣнія не могли сгладиться, „русское“ прошлое не только не исчезло безслѣдно, но оставило въ ея душѣ глубокую печать незабываемыхъ воспоминаній.

Ея переписка съ московскими друзьями, дѣятельно ею поддерживаемая, не носила характера искусственно, въ силу свѣтскихъ приличій, поддерживаемаго знакомства. Она горячо интересовалась всѣмъ, касавшимся не только отдѣльныхъ дружески близкихъ ей людей, но и вопросамъ имѣвшими отношеніе къ культурному развитію Россіи, конечно, преимущественно въ области изящныхъ искусствъ и литературы.

„Ожидаю отъ васъ—обращается она къ Погодину,— много отвѣтовъ и чисто о Москвѣ; о ея жителяхъ вспоминаю сердечно“... Въ свою очередь и москвичи отвѣчали ей длинными письмами, похожими на подробные отчеты обо всемъ томъ, что интересовало княгиню. Иногда, правда, рѣдко, появлялись въ Московскихъ журналахъ ея русскіе литературные опыты въ видѣ прозаическихъ отрывковъ и стихотвореній. Имъ охотно давали мѣсто въ печати не столько, конечно, за ихъ художественныя достоинства, сколько потому, что всякая строчка княгини Зинаиды была какъ бы живымъ напоминаніемъ о ней и томъ времени ея московской жизни, о которомъ съ грустью и благодарностью вспоминали москвичи.

А у нея, видимо, все время напряженно работала мысль о томъ, чтобы внести какую-то свою лепту въ сокровищницу русскаго просвѣщенія, сдѣлать что-то реальное, конкретное, связующее ее съ Россіей и въ особенности съ Москвой.

Въ 1830 году она занялась составленіемъ проекта Эстетическаго музея при Московскомъ университетѣ, который долженъ былъ служить главнымъ образомъ для изученія исторіи искусства специалистами художниками и ознакомленія съ этой исторіей широкихъ круговъ образованнаго общества. Судя по проекту кн. З. А. Волконской, напечатанному въ журналѣ „Телескопъ“ въ 1831г. въ Москвѣ \*), музей этотъ имѣлъ въ виду представить собою нѣкоторые изъ тѣхъ отдѣловъ, которые мы имѣемъ теперь въ Московскомъ музеѣ Императора Александра III и, отчасти въ Историческомъ музеѣ.

\*) ч. III, стр. 385-399.

Кн. Волконская предлагала сосредоточить въ проектируемомъ ею учрежденіи собраніе гипсовыхъ слѣпковъ и мраморныхъ копій съ замѣчательныхъ произведеній скульптуры, живописи, снимкозъ древнихъ и средневѣковыхъ памятниковъ архитектуры, моделей, утвари древней жизни и т. д.

При этомъ Зинаида Александровна принимала на себя обязанность слѣдить за приготовленіемъ слѣпковъ и моделей подъ руководствомъ какъ знаменитыхъ итальянскихъ мастеровъ, такъ и русскихъ художниковъ, жившихъ въ Италіи. По ея словамъ „эти знакомства давали возможность имѣть все за такую цѣну, которая берется только съ художниковъ, а не съ частныхъ лицъ“.

Но насколько интересна и цѣнна была сама по себѣ идея княгини Зинаиды въ ея проектѣ, настолько трудно поддавалась она въ тѣ времена конкретному осуществленію.

Если „Сѣверной Кориннѣ“ нельзя было отказать въ широкихъ художественныхъ познаніяхъ и талантливой инициативѣ, то было бы ошибочно предполагать въ ней какую либо дѣловитость, и малѣйшій намекъ на практическія знанія, безъ которыхъ невыполнимо и менѣе сложныхъ замысловъ. Въ этомъ случаѣ она всю жизнь оставалась наивнымъ взрослымъ ребенкомъ совершенно безпомощнымъ.

Устройство Эстетическаго музея, изготовленіе и покупка копій съ историческихъ памятниковъ и произведеній искусства, доставка ихъ изъ Италіи, да еще въ тѣ времена, потребовали бы колоссальныхъ затратъ. Объ этомъ Зинаида Александровна, вѣроятно меньше всего

думала, посылая одинъ экземпляръ проекта въ совѣтъ Московскаго Университета, а другой своему мужу, кн. Никитѣ Григорьевичу въ Петербургъ. М. П. Погодинъ, пріятель С. П. Шевырева (жившаго тогда въ Римѣ у Волконскихъ въ качествѣ воспитателя молодого князя Александра Никитича) вель съ нимъ по поводу музея очень интересную и характерную переписку.

„... Получилъ отъ тебя,—пишетъ онъ Погодину,— проектъ Эстетическаго музея и въ восторгѣ. Да здравствуетъ княгиня! Она алмазными буквами вписываетъ свое имя въ лѣтопись Москвы или, лучше, всей Россіи. Ея подарокъ дороже, значительнѣе цѣлой области съ народонаселеніемъ...“ Затѣмъ, совѣтуя разослать копии проекта при письмахъ кн. Волконской разнымъ „значительнымъ лицамъ“, Погодинъ поворачиваетъ: „...Я мечтаю уже объ исполненіи. Университетъ согласится тотчасъ, а въ Петербургѣ приготовленные люди подтвердятъ и да здравствуетъ кн. З. Волконская и ея помощникъ! \*) Но какъ она въ короткое время принимаетъ на себя такую трудную обязанность: выбирать, заказывать, разсчитываться во всѣхъ городахъ Италіи. Гдѣ она возьметъ времени? Если бы ей угодно было выписать меня (свѣтлая мысль) къ себѣ на полгода отъ сентября до февраля для сношеній съ художниками подъ ея руководствомъ, освѣдомленій, уложеній, отправленій, дабы въ Москвѣ помочь уставигъ, если не самому сдѣлать?... княгиня одобритъ мою мысль то напишите послѣ словъ: „Я принимаю на

---

\*) С. П. Шевыревъ.

себя обязанность ets., слѣдующее: а для сношеній съ художниками и проч. и проч. я прошу выслать мнѣ чиновника изъ университета и указываю на адъюнкта Погодина, наиболѣе мнѣ извѣстнаго и для того способнаго. На проѣздъ сего чиновника и шестимѣсячное пребываніе нужно три тысячи рублей. Прочее я добавлю отъ себя.

Горячая готовность Погодина способствовать осуществленію проекта кн. Зинаиды Александровны, судя по этому его письму, едва ли можетъ показаться особенно безкорыстной во всѣхъ отношеніяхъ. Что же касается мужа кн. Волконской, то добродушный и недалекій Никита Григорьевичъ едва ли былъ когда-нибудь способенъ глубоко понимать натуру своей жены, сочувствовать во всей полнотѣ ея научнымъ, литературнымъ и артистическимъ стремленіямъ; впрочемъ, онъ не только ей не препятствовалъ, но даже, видимо, исполнялъ во многомъ ея волю. И на этотъ разъ онъ очень любезно отозвался, называя въ своемъ письмѣ проектъ Музея мыслью „благородной, прелестной, великой“, хотя по его мнѣнію у насъ „едва ли постигаютъ надобность знать происхожденіе Аполлона и Минервы...“ Но главное, на что обратилъ свое вниманіе князь Волконскій—была практическая сторона дѣла. „Вы не означили, — пишетъ онъ, — способовъ къ достиженію сей цѣли...“

По всей вѣроятности З. А. Волконская и Шевыревъ рассчитывали, что правительство непосредственно или черезъ университетъ ассигнуеть, если не всю требуемую сумму, то хотя часть ея. Надо думать, что княгиня Зи-

наида предполагала и сама матеріально придти на помощь своему дѣтищу, но дѣла ея были далеко не настолько блестящи, чтобы осуществить нѣчто подобное.

Московскій университетъ не принялъ проекта, и идея кн Волконской такъ и осталось невыполненной.

Нужно думать, что ее огорчила эта неудача. Новая связь съ Москвой не завязалась, а время должно было постепенно обрывать одну за другой и старья нити...

Отъ Россіи и русской жизни у нея оставалось привезенная ею въ Римъ прекрасная русская бібліотека, собранная, вѣроятно, въ ту пору, когда она занималась русской исторіей и этнографіей, оставалась переписка съ друзьями, знакомство съ жившими въ Италіи соотечественниками.

Но самымъ главнымъ была забота о воспитаніи сына Александра Никитича на русскихъ началахъ. Объ этомъ она особенно хлопотала, какъ бы желая вложить въ него то, чего она была сама лишена. Эта черта личности Зинаиды Волконской и трогательна и характерна. Она показываетъ, насколько глубоко коренилась въ ней самой неудовлетворенная до конца жизни жажда опредѣленной почвы, жажда родины.

При всемъ непостоянствѣ своей нервной и впечатлительной натуры, она одного не забывала—передать лучшее, что въ ней было, своему сыну. Въ дѣтствѣ она развивала въ немъ вкусъ къ изящному, оказывала облагораживающее вліяніе на него той обстановкой, которую она создавала всюду вокругъ себя; до 15 лѣтъ она сама руководила его образованіемъ и воспитаніемъ; когда уже рѣшенъ былъ его вопросъ объ отъѣздѣ за границу, она

тѣмъ не менѣе не отступила отъ мысли закончить образованіе сына въ Россіи. Она хотѣла во что бы то ни стало его вступленія именно въ московскій университетъ и, очень страдая при мысли о разлукѣ съ нимъ, тѣмъ не менѣе настаивала на этомъ, вопреки желанію его бабушки, матери своего мужа, которая хотѣла, чтобы молодой человѣкъ слушалъ лекціи въ Петербургѣ. Самъ кн. Волконскій прежде предполагалъ опредѣлить своего сына въ германскій университетъ, но кн. Зинаида Александровна довела дѣло до конца и въ 1832 году князь Александръ Никитичъ, пріѣхавъ въ Москву вмѣстѣ съ Шевыревымъ, сдалъ экзамены и поступилъ въ московскій университетъ, который окончилъ въ 1834 году.

Въ 1832 году Зинаида Александровна, какъ видно изъ приведеннаго въ первой главѣ письма къ ней Мицкевича и письма кн. Вяземскаго къ Тургеневу, перенесла какую-то тяжелую болѣзнь и находилась во время этой болѣзни уже не въ Римѣ, а въ Боценѣ. Вообще она отъ времени до времени совершала переѣзды по Европѣ, вѣстрѣчаясь тамъ съ нѣкоторыми изъ своихъ русскихъ друзей и знакомыхъ, какъ, напримѣръ, съ А. И. Тургеневымъ, къ которому Вяземскій то и дѣло обращается въ просьбой: „передай привѣтствіе милой каягинѣ Зенеидѣ“ или „поцѣлуй ручку у милой княгини Зенеиды...“

Въ 1836 году она ненадолго побывала въ Россіи—въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Чѣмъ былъ вызванъ этотъ пріѣздъ—неизвѣстно, но уже, видимо, она не почувствовала внутренней возможности возобновить свои прежнія связи, оживить прошлое, воскресивъ блестящую эпоху своего московскаго салона. Снова вернулась она въ Римъ

и поселилась на своей виллѣ. Въ 1837 году туда пріѣхалъ Гоголь вмѣстѣ П. В. Анненковымъ, который добровольно вызвался исполнять обязанности литературнаго секретаря у великаго писателя.

Само собою разумѣется, Гоголь, хотя онъ вообще избѣгалъ и не любилъ великосвѣтскаго общества, познакомился съ Зинаидой Александровной потому, что нельзя было пройти мимо этой замѣчательной женщины, не поддаться ея обаянію. Кромѣ того, въ ту пору онъ переживалъ большой душевный кризисъ, былъ всецѣло поглощенъ своими сложными внутренними переживаніями въ связи съ созданіемъ второго тома „Мертвыхъ Душъ“, и общество чуткой и тогда тоже углубленной въ себя, княгини Зинаиды могло быть для него наиболѣе желаннымъ и пріятнымъ. Около нея Гоголь, какъ и всѣ, кто къ ней подходилъ, не чувствовалъ ни малѣйшаго стѣсненія. Его не угнетали никакія условности, ему не доучала неумѣстная свѣтская любезность. Зинаида Александровна умѣла предоставить ему полную свободу, и Гоголь былъ постояннымъ гостемъ на виллѣ, гдѣ онъ то часами лежалъ на развалинахъ древняго римскаго водопровода, безмолвно глядя „въ голубое небо, на мертвую и великолѣпную римскую Кампанью,“ то разговаривалъ съ княгиней, находя въ ней умнаго и тонкаго собесѣдника, умѣвшаго улавливать малѣйшіе оттѣнки его переживаній.

У нея встрѣчалъ онъ общество художниковъ и между прочимъ познакомился съ знаменитымъ А. А. Ивановымъ, авторомъ картины „Явленіе Христа Народу“.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ княгиня Зинаида Александровна послѣдній разъ побывала въ Россіи. Въ пись-



мѣ А. И. Тургенева къ Вяземскому встрѣчается такая приписка А. Я. Булгакова изъ Москвы: „Я заболтался у Зенеиды Волконской, которая прїѣхала изъ Карлсбада и скоро ѣдетъ въ Римъ обратно. Ужасно постарѣла“.

Ѣздила она въ Россію, чтобы увидѣться съ сыномъ, но не застала его тамъ, потому что онъ въ то время находился при посольствѣ въ Константинополь и еще не успѣлъ вернуться. Какъ видно изъ письма князя Никиты Григорьевича, къ Шевыреву, Зинаида Александровна была милостиво встрѣчена при дворѣ. По всей вѣроятности, ей не воспрепятствовали бы жить и въ Россіи, куда вскорѣ былъ вызванъ на службу ея мужъ, гдѣ служилъ ея сынъ (въ Варшавѣ при Паскевичѣ), но привычка къ Италіи брала свое, да и годы сказывались: ей въ ту пору исполнилось пятьдесятъ лѣтъ...

Вскорѣ и мужъ кн. Волконской получилъ возможность освободиться отъ службы. Онъ окончательно переселился въ Римъ, но прожилъ недолго. Унего начались старческія недомоганія и онъ скончался въ 1844 году.

Княгиня Зинаида Александровна пережила его на семнадцать лѣтъ.

Оставшись одна, она чѣмъ дальше, тѣмъ больше переселялась изъ міра конкретнаго въ міръ религіозныхъ идей, отрѣшаясь отъ всего внѣшняго и медленно угасая на своей поэтической виллѣ.

Какъ бы не подчеркивали ея склонности къ фанатическому католицизму, усиленное вліяніе на нее іезуитовъ, которые распоряжались ея имуществомъ, беззастѣнчиво отнимая у нея подлѣ конецъ даже послѣднее и са-

мое необходимое, справедливость требует признать, что кн. Волконская посреди всего этого сумѣла остаться самой собой: личность ея была слишкомъ сильна и ярка, чтобы утратить свои индивидуальныя основы и стать слѣпымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Она могла безропотно отдавать свое состояніе римскимъ прелатамъ, могла исполнять обряды католической церкви, однимъ словомъ, послушно слѣдовать извѣстной формѣ, но въ эту форму она вложила свое собственное содержаніе. Главнымъ двигателемъ ея была искренняя сострадательная любовь къ людямъ, и та мягкая терпимость и довѣрчивость, которыя всегда были отличительными чертами ея характера.

Ее не только нельзя заподозрить даже въ тѣни какого-либо ханжества, но приходится удивляться той силѣ христіанской любви, которую она проявляла на каждомъ шагу. Ея жизнь превратилась въ сплошное дѣло милосердія и простой народъ Рима, давшій ей прозвище „Beata“, долго вспоминалъ ее даже послѣ смерти. Перечитывая отрывки изъ писемъ и замѣтокъ послѣдняго періода жизни Зинаиды Александровны, каждый невольно обратитъ вниманіе еще на одну очень характерную для нея черту. Изящество мысли и чувства не оставили ее до конца, и ея релігіозныя идеи и настроенія были проникнуты той поэзіей, которая была ей свойственна всю жизнь. Она и въ релігію внесла какую-то кроткую женственную красоту, обвѣянную легкимъ оттѣнкомъ грустной задумчивости.

„Въ послѣдній и долгій періодъ ея жизни въ Римѣ вплоть до самой смерти“—пишетъ ея сынъ, кн. А. Н.

Волконскій, умъ княгини замкнулся исключительно въ кругу идей служенія Богу и дѣятельной помощи ближнимъ. Самое широкое самоотреченіе, сердце, всегда полное дружбы и любви, нашли себѣ новое примѣненіе, ея мысль увидѣла новые горизонты. У насъ имѣется подъ руками много страницъ, относящихся къ этому періоду ея жизни, которыя не подлежатъ опубликовыванію. Это лучи свѣта, которые могутъ вполне освѣтить ее и сдѣлать до конца понятной лишь для тѣхъ, которые знали эту великую душу.

Впрочемъ, вотъ нѣкоторыя выдержки изъ ея интимной корреспонденціи:

„Я всегда была воспріимчива къ красотамъ природы и эта склонность не покинула меня: она приобрѣла характеръ молитвы. Когда я слышу пѣніе птицъ, я думаю о святой Розѣ, которая говорила, что это пѣніе и даже жужжаніе насѣкомыхъ казались ей гимнами Создателю. Она была права: молитва дополняетъ сумму любви къ Богу. Молитва лѣстница ангеловъ, идущихъ вверхъ и внизъ, и Богъ въ небесахъ и въ нашемъ сердцѣ. А деревья... какъ не любить ихъ? Они дали намъ крестъ.

Крестъ! Это—жизнь, источникъ неизсякающей силы!“



„Когда мы высказываемъ угодныя Богу мысли, обращаясь съ людямъ, живущимъ въ вихрѣ свѣта, мы должны избѣгать опасности пытаться убѣдить ихъ силою нашихъ словъ. Будемъ думать лишь о славѣ Божіей, будемъ молчать, если отвергнуть наши истины . . . .

. . . . .

„Прежде, чѣмъ проповѣдывать другимъ, будемъ проповѣдывать самимъ себѣ: не должно проявлять нетерпѣнія даже въ добрыхъ дѣлахъ. Но какъ же можно, спросить насъ, хотя на минуту оставить тѣхъ, кто намъ дорогъ о комъ мы должны заботиться по чувству любви и долга? Да, мы можемъ ихъ оставить, поручивъ ихъ Иисусу Христу. Лишь самолюбивое человѣческое заблужденіе говоритъ намъ: „Если я потеряю этотъ случай, — все кончено“. Это ошибочно: ничего не кончено, лишь бы не кончилась наша молитва. Вѣдь есть разныя формы миссіонерства, есть миссіонеры, которые не говорятъ словъ, не проявляютъ себя наружно, но молятся въ глубинѣ и безграничной силой любви исцѣляютъ самыя тяжкіе недуги: это и есть духовныя сестры милосердія“.

Съ этими мыслями кн. З. А. Волконская и сошла въ могилу. Она скончалась въ 1862 году 5 февраля новаго стиля въ Римѣ и тамъ же погребена.

Есть указанія на то, что послѣдніе годы ея жизни прошли въ тяжелыхъ условіяхъ: воспользовавшись ея благородной довѣрчивостью, безкорыстіемъ и отзывчивымъ сердцемъ, слуги папскаго престола довели ее до полной нищеты. Но насколько правильны такія указанія, пока еще рѣшить нельзя.

Семьдесятъ лѣтъ жизни, протекшей въ самымъ благоприятныхъ условіяхъ жизни, богатой самыми яркими впечатлѣніями и вдругъ—никакого или почти никакого слѣда!.. Такая мысль, можетъ быть, мелькнетъ у прочитавшаго этотъ бѣглый и далеко неполный очеркъ жизни и дѣятельности кн. З. А. Волконской. Дѣйствительно по тѣмъ сравнительно немногимъ литературнымъ опытамъ, кото-

рые остались намъ въ видѣ скуднаго наслѣдства „Сѣверной Коринны“, не можетъ возникнуть у читателя очень яркаго и интереснаго образа. Но правиленъ ли, приложимъ ли къ ней такой способъ оцѣнки? Думаемъ, что нѣтъ. Несмотря на наличность у Зинаиды Волконской замѣтнаго литературнаго дарованія, ее все-таки нельзя считать писательницей въ полномъ смыслѣ этого слова, нельзя и судить о ней въ предѣлахъ ея чисто литературныхъ занятій.

Не предрѣшая вопроса о томъ, что могла бы она дать въ этой области при иныхъ условіяхъ воспитанія и жизни, мы должны разсматривать ее, какъ личность, совершенно исключительную, неукладывающуюся въ рамки опредѣленной художественной категоріи.

Есть люди, талантъ которыхъ проявляется въ какихъ то неуловимыхъ свойствахъ, которые, не выдѣляясь даже никакимъ опредѣленнымъ дарованіемъ, играютъ большую роль въ жизни своихъ современниковъ и накладываютъ печать своего личнаго вліянія на окружающую ихъ среду. Такимъ былъ безвременно умершій Станкевичъ, основатель цѣлаго кружка, и его свѣтлый обликъ, казалось, и послѣ смерти стоялъ среди тѣхъ, кто его зналъ; его память съ бережной любовью была передана послѣдующимъ поколѣніямъ...

Исторія, собирающая „вещественныя доказательства“, обошла „Сѣверную Коринну“, потому что ей выпала на долю та же судьба, что и дѣятелямъ театра, только сцена ея была обширнѣе и среди зрителей, „въ первыхъ рядахъ партера“ были величайшіе гениі русскаго слова...

Зинаида Волконская была артисткой. И не оттого, что

она „пѣла, какъ ангель“, что ея драматическому таланту удивлялись корифеи тогдашняго театра... У нея въ жи з н и было обаяніе артистическаго творчества, у нея былъ особенный Талантъ чело в ѣ ка, который встрѣчается такъ рѣдко, а потому не имѣеть ни названія, ни формы. Ея личность была такъ гармонична въ цѣломъ и такъ прекрасна въ своемъ каждомъ отдѣльномъ проявленіи, что соприкосновеніе съ нею давало впечатлѣніе приобщенія къ искусству. Хотя традиціи той эпохи, въ которой она жила, развивали рыцарское поклоненіе женщинѣ и элементъ этого поклоненія вкладывался почитателями княгини Зинаиды въ отношеніе къ ней, все же современники ея видѣли въ ней прежде всего личность и восхищались ея чисто индивидуальными сзойствами. Ея женское „я“ было только формой, прекрасно гармонирующей съ богатствомъ и изяществомъ внутренняго содержанія. И напрасно будутъ приписывать рыцарской любезности вѣка все то, что прозой и стихами сказали о Зинаидѣ Волконской ея многочисленные друзья.

Эти посвященія очень характерны. Они отражаютъ то впечатлѣніе, которое каждый выносилъ отъ нея и вмѣстѣ съ тѣмъ они показываютъ, и то, что искали въ княгини Волконской люди ея эпохи, и то, что она собою представляла въ дѣйствительности, потому что изъ цѣлаго ряда разнообразныхъ поэтическихъ характеристикъ выступаетъ ея подлинный образъ. Въ обращеніяхъ къ „Сѣверной Кориннѣ“ какъ-то неразрывно сливается и восхищеніе ея внѣшней красотой, и преклоненіе передъ ея духовнымъ міромъ. Оно такъ и было въ дѣйствительности. Природа поступила бы слишкомъ нелогично, если бы

лишила княгиню Зинаиду этой внѣшней красоты, потому что красота служила какъ бы проводникомъ ея внутренняго очарованія, она заканчивала, дополняла ея духовный обликъ.

Въ стихотвореніи, написанномъ на день ея рожденія нѣсколькими поэтами, въ этомъ своеобразномъ коллективномъ поэтическомъ аккордѣ выступаетъ гармоничность „Сѣверной Коринны“. Поэты говорятъ о тѣхъ дарахъ, которые принесли ей звѣзды, спустившіеся къ ея колыбели:

. . . . .

. . . . . Звѣзды пали  
Съ небесъ высокихъ—и свѣтло  
Вѣнцомъ магическимъ вѣнчали  
Младенца милое чело.

. . . . .

Одна ей пламя голубое  
Въ очахъ плѣнительныхъ зажгла  
И вдохновеніе живое  
Ей въ душу звучную влила.

Въ душѣ зажглось любви свѣтило,  
Въ очахъ поэзіи заря..

. . . . .

. . . . .

Звѣздой полуденной и знойной,  
Слетѣвшей съ Тассовыхъ небесъ,  
Даны ей звуки пѣсни стройной,  
Даръ гармоническихъ чудесъ. \*)

„Даръ гармоническихъ чудесъ“—вотъ что было ея основой, что влекло къ ней и далекихъ, и близкихъ.

\*) См. полностью это стихотвореніе въ приложеніи.

И въ этомъ непрерывномъ созиданіи красоты вокругъ себя—въ этомъ все ея значеніе. Она могла ничего не сдѣлать—расцвѣсти и увянуть безслѣдно и все же значеніе ея не умалается. Эта женщина, вызывавшая слезы умиленія въ потухшихъ навѣки глазахъ ослѣпшаго поэта Козлова своей трогательной отзывчивостью, художественной прелестью своего существа,—была тѣмъ, можетъ быть, единственнымъ въ русской жизни, геніальнымъ воплощеніемъ вѣчно-женственного начала, о которомъ мечтали и средневѣковые трубадуры и поэты многихъ поколѣній. Теперь этотъ типъ ушелъ изъ жизни; женская личность значительно реформировалась по мужескому образцу, ставъ болѣе приспособленной, болѣе активной. Силу обаянія этого типа чувствовали если не всѣ, то многіе и насъ не должны удивлять такіе отзывы о Зинаидѣ Волконской, какъ, напримѣръ слѣдующія слова въ замѣткахъ одной „русской путешественницы“:

„Видѣть картину, водопадъ, обломки барельефа—любопытно; видѣть генія есть счастье свыше ниспосланное; но нѣкоторымъ лишь дано судьбою умѣть цѣнить это счастье. Я видѣла мелькомъ княгиню З. Волконскую и считаю это за величайшую благосклонность судьбы...“

Зинаида Волконская должна была явиться какъ знаменіе времени въ эпоху нашего художественнаго расцвѣта.

Она родилась почти въ музеѣ искусствъ, точно свѣтлое облако выдѣлилась изъ атмосферы прекраснаго и эту атмосферу несла съ собою, какъ неотдѣлимый элементъ своей личности. Все вокругъ нея должно было быть красиво и даже память о друзьяхъ выливалась въ поэтическую форму. На ея римской виллѣ, гдѣ она жила, по-



кинувъ Россію, былъ созданъ цѣлый уголокъ, дышавшій дорогими воспоминаніями. Въ саду виллы „подъ тѣнью кигариса — пишетъ М. П. Погодинъ—стоитъ урна въ память о Дм. Веневитиновѣ, близъ нея камень съ именемъ Н. Рожалина; въ особой кущѣ бѣлѣтся мраморный бюстъ Александра I. Есть древній обломокъ, посвященный Карамзину, другой Пушкину.“

И это не декоративная деталь, это не для другихъ, а для нея самой. Ей это было необходимо.

Зинаида Волконская отошла и угадала со своимъ вѣкомъ, съ его укладомъ жизни, съ его эстетической фізіономіей... Про нее можно сказать словами французскаго поэта:

„Etrose, elle a vecu ce que vivent les roses  
„L'espâce d'un matin..“

И все же связь съ нею не порвана окончательно. Для всякаго, кто любитъ искусство, кому хочется заглянуть въ самую глубину его художественныхъ источниковъ въ нашей русской жизни, кто испытываетъ потребность не только по книгѣ знакомиться съ Пушкинскою эпохой, но хочетъ почувствовать, вдохнуть въ себя тотъ воздухъ, которымъ эта эпоха дышала, представить себѣ живую жизнь того времени—для того не избѣжать „встрѣчи“ съ княгиней Зинаидой“. Ея имя то здѣсь, то тамъ: въ стихахъ, въ воспоминаніяхъ, въ перепискѣ. Она не случайный эпизодъ прошлаго, она—моментъ яркій, красочный, свѣтящійся вдохновеніемъ. Но чтобы ее найти и воскресить передъ собою, какъ живую,—ее нельзя „штудировать“, „изучать;“ ее надо почувствовать въ самомъ

стиль эпохи, въ тысячѣ разбросанныхъ ею блесокъ, въ отраженіяхъ ея души, въ душѣ современниковъ.

Она и въ стихахъ Пушкина и въ страстной лирикѣ Веневитинова, и въ напыщенныхъ комплиментахъ кн. Шаликова; она—въ звукахъ старинныхъ клавишъ, въ мелодіи итальянской музыки, въ стройныхъ линіяхъ бѣлыхъ колоннъ епріге... Она и въ памятникахъ и въ грезахъ того поэтическаго прошлаго, о которомъ подчасъ съ такою болью тоскуетъ современный человѣкъ .

---



Бесѣдка въ стилѣ емпіре.

ЗИНАИДА ВОЛКОНСКАЯ И ЕЯ ВРЕМЯ.

## ПРИЛОЖЕНИЕ.

Чтобы дать читателямъ болѣе полное представленіе о личности Зинаиды Волконской, мы въ добавленіе къ очерку, даемъ нѣкоторые отрывки изъ ея произведеній (ея русскіе и французскіе стихи и письмо объ Александрѣ I къ барону Меріану), а также тѣ стихотворенія русскихъ поэтовъ, посвященные З. А., которыя не приводятся нами въ текстѣ очерка совсѣмъ или цитируются въ отрывкахъ.

Французскія стихотворенія кн. Волконской мы помѣщаемъ въ подлинномъ видѣ, письмо къ барону Меріану— въ переводѣ съ французскаго.

### LE DEMI—MOT.

L'amour inventa le langage  
du demi—mot;  
L'amitié souvent fait usage  
du demi—mot;  
Ildivine une confidence  
à demi- mot;  
On s'épargne un aveu pénible  
à demi—mot;  
L'objet aimé seul est sensible  
au demi—mot;  
L'amant fait son bonheur suprême  
d'un demi—mot  
Femme timide ne dit: j'aime,  
qu'à demi—mot.

## LA MUSIQUE

A l'amour, á la peine elle doit sa naissance  
 Elle rêve comme elle et sourit comme lui;  
 De tous ses mouvements le coeur seul est l'appui.  
 Sa gloire est l'opéra, sa grâce la romance.  
 De la haine envieuse elle eteint les progrès,  
 Nourrit le souvenir, entretient l'espérance,  
 Soupire doucement la plainte, les regrets,  
 Et par un vague bonheur élége la souffrance.

## ПѢСНЬ СЛАВЯНСКАГО ГУСЛЯРА ВЪ ЧЕСТЬ ОЛЕГА

(Поэма „Ольга“. Пѣснь V-ая).

Велика звѣзда взошла напящая:  
 Что копье—виситъ она на облакъ  
 Что Перунъ грозитъ она на недруга.  
 Изъ за холма, холма темносѣннаго  
 Не орелъ съ орлятами выпархиваль:  
 Диво наше князь Олегъ Перуновичъ  
 Со дружиною своей заморскою.  
 Ёдетъ князь по берегу днѣпровскому:  
 Вслѣдъ за нимъ рать, какъ рѣка булатная  
 По степямъ летитъ какъ пыль желѣзная;  
 Занимаетъ селы, словно злой пожаръ.  
 Вотъ дремучій лѣсъ тамъ, какъ стѣна стоитъ,—  
 А бойцы впередъ какъ на широкій путь.  
 Черный лѣсъ вздрогнулъ и про себя гудеть:  
 „Черезъ меня не лѣсъ ли пробирается?“  
 — Лѣсъ, молчи, молчи,—завыла Днѣпръ-рѣка,  
 Мнѣ и безъ тебя здѣсь тяжело стало течь:  
 Ужъ не гоголей, не утокъ сизыхъ,—  
 На струяхъ несу я стаи ратниковъ!  
 Крылья ихъ—пернаты калены стрѣлы,  
 А плавила ихъ вѣдъ мечи острѣе.

По порогамъ идуть, бьютъ по омутамъ,  
 Но добро! доплыть вамъ скоро до бѣды.—  
 — Тогда Днѣпръ глубокой заревѣль какъ звѣрь,  
 А ладьи на волнахъ раскачались.  
 Вотъ торчитъ громада поперекъ рѣки:  
 „Нѣтъ дороги болѣ!“—Вѣрный князь въ отвѣтъ:  
 — Есть дорога, дѣти! Разомъ на берегъ!  
 Богатырски плечи понесуть ладьи.—  
 Понесли за княземъ ладьи влажныя:  
 То въ рѣку, то на берегъ взбираются;  
 То по поясъ въ Днѣпръ, то вверхъ на утесъ.  
 А вотъ море, море синее!  
 Они къ западу вдоль береговъ скользятъ.  
 Вотъ и стольный градъ! Градъ златокованный!  
 На стѣнахъ торчатъ греки безумные.  
 Что за пыль къ Царьграду приближается?  
 Что тамъ вѣтъ, вѣтъ разгоняетъ пыль?  
 Что саней обозы въ пору зимнюю,  
 На ладьяхъ тамъ скачетъ рать полночная,  
 Смерть кровавая тамъ распотѣшилась!  
 Люди сыплются со стѣнъ, какъ мерзлый снѣгъ,  
 А за ними золото посыпалось.  
 Ужъ подъ золотомъ ладьи качаются,  
 И опять плывутъ по морю синему.  
 Бухъ! Ужъ въ Днѣпръ противный отринулись...  
 Днѣпръ молчить... и лѣсъ молчить... утихло все...  
 А тамъ въ Кіевѣ поднялося: Ура!  
 Слава вѣщему заморскому вождю!

#### НАДГРОБНАЯ ПѢСНЬ СЛАВЯНСКАГО ГУСЛЯРА..

(Поэма „Ольга“. Пѣснь II-ая, Тризна по Олегѣ.)

Ужъ какъ палъ снѣжокъ со темныхъ небесъ,  
 А съ густыхъ рѣсницъ слеза канула:  
 Не взойти снѣжку опять на небо  
 Не взойти слезѣ на рѣсницу ту;

У Дя́пра надъ горой, высокою, крутой,  
 Ужъ какъ теремъ сталъ новорубленный:  
 Ни дверей въ терему, ни окна свѣтла,  
 А ужъ теремъ крытъ острой кровлею.  
 Кровля тяжкая на стѣнахъ лежитъ,  
 А хозяинъ тамъ крѣпкимъ сномъ заснулъ...  
 Какъ проснется онъ—то куда пойдетъ?  
 Какъ захочетъ онъ на бѣлъ свѣтъ взглянуть,  
 Пожелаетъ онъ гулять по-граду,—  
 Анъ въ глазахъ земля и въ ногахъ земля!  
 Какъ прозябнетъ онъ,—гдѣ согрѣется?  
 Сыро въ теремѣ,—а ни печи нѣтъ,  
 И не высохнуть стѣны хладныя.  
 Ахъ, вы хладныя стѣны, тѣсныя!  
 Для чего вы тутъ, для чего у насъ?  
 Зима бабушка! Ахъ закрой ты ихъ  
 Своей рухлою, бѣлой шубою!  
 Ты, млада весна, зеленой фатой!



### ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА БАРОНУ МЕРІАНУ.

Въ Парижѣ въ 1826 году \*)

(Переводъ съ французскаго).

. . . . . Императоръ, обезпокоенный состояніемъ  
 здоровья Императрицы, ставшей предметомъ его нѣж-  
 нѣйшихъ заботъ, совѣщался съ врачами, которые ее ле-  
 чили, выражалъ имъ желаніе избавить ее отъ сѣверной  
 зимы и консультація наконецъ рѣшила оправить ее на  
 югъ. Ей предложили Италію. Елизавета не захотѣла

---

\*) Начало этого письма въ текстѣ книги.

разставаться ни со своей семьей, ни съ отечествомъ. Она была увѣрена, что умереть и желала умереть среди своихъ въ особенности около Императора. Великая княгиня Елена (Павловна) не покидала ее. Съ момента своего прибытія въ Россію, она посвятила себя Императрицѣ и часто Елизавета говорила ей, грустно на нее глядя: „Не привыкайте ко мнѣ, я такъ несчастлива въ своихъ привязанностяхъ“. И на самомъ дѣлѣ она потеряла, вы, можетъ быть, это знаете, двухъ обожаемыхъ дочерей, подругу, дорогую сестру, принцессу Вюртембергскую, которую она любила....

Но вернемся къ разсказу: отказавшись отъ Италіи, стали думать о югѣ Россіи. Предложили два города: Николаевъ и Таганрогъ. Императоръ выбралъ послѣдній, — самъ указалъ себѣ могилу! Онъ поѣхалъ раньше Императрицы, поручивъ ее попеченіямъ своего друга, князя Петра Волконскаго, но прежде чѣмъ ѣхать, ночью онъ отправился въ монастырь, гдѣ покоится св. Александръ. Достойный покровитель великаго человѣка, онъ самъ былъ героемъ и на томъ самомъ берегу, гдѣ теперь расположенъ Петербургъ, одержалъ надъ шведами знаменитую побѣда, за которую получилъ прозваніе Невскаго. Позднѣе, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ другой Александръ, презирая опасность и смерть спасалъ несчастныхъ.

Императоръ долго молился у святыхъ мощей, потомъ пошелъ посѣтить одного схимника (монаха, который выдѣляется въ монастырѣ самыми строгими правилами жизни, покидаетъ свою келью лишь для молитвы, почти ничего не ѣстъ и ложиться спать въ гробъ).



Александръ, глядя на это смертное ложе схимника, съ чувствомъ страданія говорилъ объ Императрицѣ. Въ этотъ же день онъ уѣхалъ въ Таганрогъ, приготовилъ тамъ помѣщеніе для августѣйшей больной; самъ разставлялъ постель, кресло, ширмы, и предусмотрѣлъ каждую мелочь, все устроилъ.

Въ Таганрогъ онъ съ радостью убѣждался, что здоровье Елизаветы поправляется со дня на день. Она была счастлива, говорила объ этомъ. Императоръ всегда проявлялъ по отношенію ея самую деликатную заботливость но никогда еще они не испытывали такого взаимнаго пониманія, такого сближенія другъ съ другомъ. Императоръ покинулъ ее на нѣсколько дней; вернувшись, онъ увидѣлъ, что состояніе больной продолжаетъ улучшаться все больше и больше. Но такъ какъ въ той мѣстности бываютъ ужасные вѣтры, онъ хотѣлъ перевести ее въ Крымъ и самъ отправился выбрать для нея наиболѣе здоровую и пріятную мѣстность. Онъ приобрѣлъ великолѣпный уголокъ на южной сторонѣ Тавриды, приказалъ выстроить тамъ дворецъ и отправился дальше путешествовать, всюду разсыпая милости, давая должности людямъ отягощеннымъ семьей, помогая несчастнымъ, посѣщая больницы и всюду оставляя воспоминанія о своихъ милостяхъ, о своей добротѣ, о своей популярности. Одинъ дервишъ у него попросилъ аудіенціи, онъ его принялъ, бесѣдовалъ съ нимъ и оказалъ ему помощь. Человѣкъ, который служилъ на ш е м у а н г е л у и который былъ у меня на этихъ дняхъ, передавалъ мнѣ, что настроеніе Государя во время путешествія было превосходное. Его Величество посѣтилъ

въ Бахчисараѣ одну татарскую семью, обратилъ вниманіе на ихъ покрашенные ногти, ихъ прически, замѣтилъ одну красивую маленькую дѣвочку, у которой волосы были заплетены въ множество мелкихъ косичекъ, приласкалъ ее и другихъ дѣтей и не обнаруживалъ ни болѣзненныхъ страданій, ни озабоченности. „Тѣмъ не менѣе, я замѣтилъ“, говорилъ мнѣ слуга (государя), „что къ концу путешествія по Крыму цвѣтъ лица его сдѣлался блѣднѣе обыкновеннаго, что онъ часто чувствовалъ себя усталымъ, въ горахъ ему дѣлалось холодно, но я, какъ и другіе, приписывалъ все это быстротѣ передвиженій Императора. Ничто не заставляло насъ предчувствовать наше несчастье, не было никакого предзнаменованія!“

Печаль этого слуги трогательна.

Дѣйствительно, Императоръ утомлялся ежедневно до того, что заболѣлъ. Всегда или пѣшкомъ, или на лошади то подъ солнцепекомъ, то на вѣтру въ горахъ, онъ не принималъ никакихъ предосторожностей и ничего не говорилъ доктору Вилье о мучившей его лихорадкѣ, пока наконецъ она не подорвала его силы, но и тогда онъ сказалъ: „Никакихъ лекарствъ! Я сумѣю выздоровѣть самъ“. Онъ разговаривалъ съ нимъ только о здоровьи императрицы и о томъ, какъ огорчало его, что онъ не былъ около нее въ тотъ моментъ, когда она узнала о смерти своего зятя (beau-frere), короля Баварскаго. Подъ конецъ путешествія, несмотря на совѣты врача, онъ продолжалъ посѣщать публичныя учрежденія, больницы, церкви, казармы, мечети, карантинныя, синагоги и сохранилъ свой дѣятельный характеръ до конца... Его поддерживали душевныя силы. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Таганрога, онъ по-

чувствовалъ себя плохо и попросилъ у врача чего-нибудь согрѣвающего. Ночь онъ провелъ въ деревнѣ и прибылъ въ Таганрогъ изнуренный, больной, замѣтно ослабѣвшій. Лихорадка у него не прекращалась, но онъ легъ въ постель лишь тогда, когда потерялъ послѣднія силы. Онъ отказывался отъ помощи врачебнаго искусства: „Зачѣмъ такъ довѣрять человѣческимъ лекарствомъ?“ говорилъ онъ Императрицѣ. Она предложила ему участвовать. Онъ исповѣдывался и принялъ св. Тайны. Его духовникъ отсутствовалъ и такъ какъ замѣнившій его священникъ, который впервые приблизился къ нему, казался нѣсколько смущеннымъ, то (государь) сказалъ:

„Не смущайтесь; надо видѣть во мнѣ не Императора, а лишь кающагося христіанина.“ Во время исповѣди онъ опять собралъ всѣ свои силы и сонливость, которая одолѣвала его втеченіе всей болѣзни, исчезла на нѣсколько часовъ. Онъ согласился принять лѣкарство и сказалъ: „Я никогда еще такъ хорошо себя не чувствовалъ“. Съ этого дня онъ погрузился въ почти непрерывную летаргію. И вотъ однажды, когда князь Петръ Волконскій захотѣлъ опустить штору, проснулся и сказалъ ему: „Оставьте. Мнѣ пріятно видѣть солнце: оно прекрасно.“

Послѣдними словами Наполеона были: *tête armée*;  
Послѣднія слова Александра: *солнце прекрасно*.

Онъ больше уже не говорилъ, но сложилъ руки и молился.

Отъ времени до времени онъ обводилъ взглядомъ вокругъ себя, улыбаясь съ добротой. Онъ взялъ руку Императрицы и положилъ ее къ себѣ на сердце. Казалось, его взглядъ говорилъ князю Петру Волконскому: „заботьтесь о ней!“

Тревога и печаль присутствующихъ достигли послѣднихъ предѣловъ. Но непостижимымъ образомъ къ Императрицѣ вернулись силы: она бодрствовала день и ночь. Богъ оставилъ ее на землѣ для новыхъ несчастій и помогалъ ей ихъ переносить. Она здорова теперь здорова тѣломъ, но душа ея разбита. Ее ничто не занимаетъ.

Александръ не страдалъ много въ свои послѣднія минуты, по крайней мѣрѣ видимымъ образомъ; онъ былъ спокоенъ, его душа была обращена къ Богу: небеса ждали эту прекрасную душу! Странаніе было только среди окружающихъ, а вся Россія и не подозрѣвала несчастья, которое на нее обрушивалось. Въдъ онъ былъ нашимъ отцомъ! Мы должны молиться за него!

Онъ заснулъ и отошелъ въ вѣчность. Императрица, не дрогнувъ, сложила ему руки, обвязала ему свой платокъ вокругъ лица, поцѣловала его прощальнымъ поцѣлуемъ и тутъ, впервые, ее горе прорвалось наружу потокомъ слезъ.

Смерть не отдалила отъ него (Александра) ни Императрицу, ни князя Петра Волконскаго. Одинъ былъ другомъ молодости государя, товарищемъ его трудовъ и славы втеченіи 27 лѣтъ, которыхъ даже человѣческая злоба не могла за нимъ не признать, этотъ другъ отдалъ ему и послѣдній долгъ. Другая—желанная супруга, выбранная великой Екатериной въ спутники жизни Александра, приняла его послѣдній вздохъ и выполнила свою послѣднюю обязанность...

Молитвы не прекращались, и Елизавета все время не отходила отъ священныхъ останковъ. Ихъ перенесли въ

греческую церковь при монастырѣ св. Александра. Она ходила туда и утромъ и вечеромъ молиться и плакать. Народъ рыдалъ на улицахъ. Священники во время службъ обливались слезами.

Всѣ адъютанты Императора Александра выѣхали въ Таганрогъ. Въ день отъѣзда печальной процессіи, Императрица пошла въ церковь, когда весь штатъ покойнаго, все духовенство были тамъ въ сборѣ. Она поцѣловала гробъ, который только что закрыли, и удалилась. Она призвала къ себѣ адъютантовъ, поблагодарила ихъ за ихъ заботы и преданность.

— Прощайте, сказала она, „вы счастливы, имѣя возможность сопровождать Императора! Я уже не надѣюсь больше съ вами увидѣться“.

Ничего нѣтъ въ мірѣ трогательнѣе этой женщины. Ея первое письмо къ императрицѣ-матери разрываетъ сердце: „Нашъ ангелъ на небѣ“ пишетъ она, „а я, слабая и больная, еще продолжаю прозябать на землѣ“... Въ другомъ письмѣ она говоритъ: „У меня только надежда, что я его не переживу.“ „Нашъ ангелъ опять улыбается своей доброжелательной улыбкой“ \*) пишетъ она послѣ первыхъ минутъ благовѣйнаго созерцанія у смертнаго ложа Александра.

Я вамъ сообщаю только тѣ подробности, которыхъ вы не сможете узнать по газетамъ. Не знаю, извѣстно ли вамъ, какимъ трагическимъ образомъ узнала эту вѣсть Императрица мать. Она каждый день молилась за здоровье своего сына. Курьеръ, сообщавшій о смерти, прибылъ.

---

\*) „Notre ange a repris son sourire de bienveillance“...

Великій князь Николай, нынѣшній императоръ, былъ сраженъ извѣстіемъ. Императрица Марія, которая въ тотъ самый день только что получила утѣшительныя свѣдѣнія, находилась въ часовнѣ, и священникъ готовился служить молебень. Вдругъ вошелъ великій князь: „Дайте крестъ моей матери, сказалъ онъ. Императрица Марія все поняла... Она взяла крестъ и упала безъ чувствъ, прижимая его къ своей груди.

Когда собрали гвардію для принесенія присяги Константину, изъ рядовъ вышелъ одинъ солдатъ и спросилъ, почему не сказали имъ, что Императоръ былъ боленъ. „Не хотѣли причинять вамъ тревоги“, отвѣтилъ офицеръ. „Зачѣмъ!“ воскликнулъ солдатъ. „Можетъ быть, изъ сорока тысячъ гвардейцевъ, которые бы стали за него молиться, хотя бы одна молитва дошла до Бога.“ Вотъ слово въ слово выраженіе этого добраго малаго. Другой солдатъ плакалъ и впадалъ въ полное отчаяніе. „Почему вы такъ плачете, вы, который потеряли не больше другихъ“—сказали ему. „Ахъ, вы ничего не знаете,“ отвѣтъ онъ, „Императоръ спасъ мнѣ жизнь.“ „Какимъ образомъ?—“Однажды я стоялъ на часахъ у однихъ изъ дверей царскосельскаго дворца. Я задремалъ, вдругъ, слышу, меня кто-то зоветъ. Я испугался. узнавъ (голосъ) императора, и считалъ себя погибшимъ. Императоръ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: „Тише, не говори ни слова... Если объ этомъ узнаютъ, мнѣ тебя не спасти. Не рассказывай объ этомъ никому, слышишь? никогда никому!“ Но теперь я не могу умалчивать!.. „Какъ же не плакать мнѣ?“— „Что бываетъ трогательнѣе этого?

Вы сами, вмѣстѣ съ цѣлой Европой знаете, что дѣлалъ

этотъ Государь во время наводненія въ 1824 году. Онъ не ограничился помощью пострадавшимъ: онъ самъ всюду несъ и свое золото, и слова утѣшенія.

Но возвращаясь къ Таганрогу. Эти воспоминанія владѣютъ мною всецѣло.

Князь Петръ Волконскій, которому была всецѣло поручена печально-величественная церемонія, выполнилъ свой долгъ съ чувствомъ самаго нѣжнаго дружескаго усердія. Несмотря на то, что въ маленькомъ, затерянномъ среди степей городкѣ было очень трудно достать все, что требовалось для траурнаго обряда—онъ сумѣлъ устроить, чтобы все соотвѣтствовало моменту.

Генераль - адъютантъ графъ Орловъ - Денисовъ (племянникъ знаменитаго атамана Платова) былъ назначенъ Императрицей Елизаветой завѣдовать движеніемъ похоронной процессіи. Она не хотѣла лишать населенія Москвы печальнаго утѣшенія поклонится останкамъ обожаемаго монарха. Вы сумѣете оцѣнить деликатное вниманіе Императрицы матери по отношенію августѣйшей вдовы. Она сказала, что ей (Елизаветѣ) принадлежитъ право назначить день отбытія процессіи, и указать путь слѣдованія печальнаго кортежа; Императрица - мать была увѣрена, что эти грустныя обязанности послужатъ вдовѣ нѣкотораго рода поддержкой и что она будетъ меньше страдать, если сама скажетъ: „уѣзжайте, увозите его“, вмѣсто того, чтобы видѣть, какъ его снимаютъ у нея другіе. Орловъ-Давыдовъ спасъ жизнь Императору подъ Лейпцигомъ, онъ былъ ему преданъ. Онъ везъ Государя къ мѣсту его послѣдняго успокоенія съ такимъ глубокимъ почтеніемъ, съ такой любовью, что заслуживаетъ истин-

наго уваженія. Онъ гордился порученной ему обязанностью. Я его видѣла во время проѣзда черезъ Москву и я была глубоко тронута тѣми чувствами, которыя его воодушевляли. Мой мужъ тоже находился въ числѣ слѣдующихъ за процессіей. Александръ проѣзжаетъ по своей странѣ и его народъ его сопровождаетъ... Его провозятъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ бывалъ столько разъ, гдѣ его появленіе вызывало постоянный энтузіазмъ, гдѣ даже привычка часто его видѣть не могла погасить этого чувства. Среди печальнаго пѣнія и благоговѣйной тишины передвигается онъ изъ города въ городъ; его встрѣчаютъ и провожаютъ рыданіями и воплями отчаянія. Русскій народъ, въ особенности женщины выражаютъ свою печаль тѣми словами, которыя имъ подсказываются переживаемымъ горемъ. Женщины въ Москвѣ подносили и прикладывали своихъ дѣтей къ золотому покрову (гроба). Сосредоточенное молчаніе царило среди толпы въ церкви св. Михаила въ Кремлѣ, гдѣ гробъ стоялъ втеченіе трехъ дней. То же самое было на площадяхъ и на улицахъ, гдѣ двигалась процессія. На его гробу наши вѣнокъ изъ лавровъ и иммортелей и подумали, что это сдѣлала я; нѣтъ, я слишкомъ опечалена, чтобы принести ему такую дань. Я написала русскіе стихи, первые сочиненные мною на моемъ родномъ языкѣ; я ихъ перелагаю на музыку. Мнѣ было необходимо выразить переполнившія мое сердце чувства и я это сдѣлала. Наши поэты находятъ мои стихи выразительными,— находятъ въ нихъ чувство и правду. Императрица Елизавета была ими тронута, Императрица-мать тоже, но я писала ихъ только для себя. Я почувствовала облегченіе,



заплативъ ему эту дань, самую для меня подходящую.

Глупые и недоброжелательные люди распустили слухъ, что неизбѣжны волненія вездѣ, гдѣ прослѣдуетъ похоронный кортежъ, потому что народъ хочетъ видѣть тѣло, а этого дѣлать больше нельзя. Говорятъ онъ такъ измѣнился, что его невозможно узнать. Дѣйствительно, въ народѣ распространены толки, что тѣло не его, что Императоръ былъ похищенъ казаками и находится въ плѣну. Другіе говорили, что Александръ уѣхалъ въ Америку, и тысячи другихъ подобныхъ нелѣпостей. Тайнственность и неопредѣленность слѣдованія тѣла, маршрута котораго публика не знала, всѣ эти обстоятельства новыя не только въ Россіи, но и за границей, давали, болѣе чѣмъ когда либо, широкій просторъ для лживыхъ слуховъ, которые распространялись злонамѣренными людьми. Но, по мѣрѣ того, какъ кортежъ приближался, спокойствіе сознаніе и чувство горя являлись на смѣну сомнѣніямъ. Народъ везъ на себѣ погребальную колесницу, оспаривая другъ у друга это счастье. Всюду возобновлялись эти сцены любви и печали. Илья, кучеръ Императора, который въ 1814 году былъ въ Парижѣ, вообще никогда не покидалъ Государя и теперь правилъ траурной колесницей, былъ окруженъ толпой крестьянъ, гдѣ-то около Курска или Тулы, „услыхалъ: „Это не его везутъ: онъ не умираетъ.“

— „Друзья мои,“ отвѣчалъ имъ Илья, — „вѣдь это я его везу, какъ же вы можете сомнѣваться, что это не онъ? развѣ бы я былъ здѣсь?“ Крестьяне узнали его и стали расходиться, говоря: „Это Илья, ему можно повѣрить.“ Но особенно хорошо то, что Илья сказалъ одному изъ адъютантовъ Императора. Оберъ гофмейстеръ двора

послѣ того, какъ онъ со всѣми высшими чинами Москвы встрѣтилъ въ Коломенскомъ печальную процессію, сообщилъ графу Орлову—Денисову намѣченный порядокъ церемоніи въѣзда: „Но Илья здѣсь не помѣченъ“ замѣтилъ генераль, „а онъ никогда не оставлялъ колесницу и не захои́лъ бы уступить другому чести ее вести, онъ долженъ присутствовать.“ Оберъ—гофмейстеръ въ свою очередь говорилъ, что этикетъ требуетъ параднаго кучера въ ливреѣ, но въ концѣ концовъ былъ принужденъ уступить. Адъютантъ, о которомъ я упоминала выше, рассказалъ Ильѣ о происшедшемъ: „Вѣдь ты носишь бороду и предполагають поэтому, что тебѣ нельзя сопровождать колесницу въ Москву“.—„Ну такъ я обрею съ“ отвѣтилъ Илья.—Вы знаете, какъ дорожить своей бородой простой русскій человѣкъ. Илья не пришлось бриться. Это человѣкъ лѣтъ около 60. Никогда никто не видалъ, чтобы онъ когда-нибудь раньше такъ плакалъ. Мнѣ хотѣли написать съ него портретъ, но было невозможно уловить его черты, измѣненные печалью самой простой и правдивой. Я не знаю ничего трогательнѣе этого человѣка, который везетъ своего господина послѣдній разъ.

ДМ. ВЛ. ВЕНЕВИТИНОВЪ.

Э л е і я .

Волшебница! Какъ сладко пѣла ты  
 Про дивную страну очарованья,  
 Про жаркую отчизну красоты!  
 Какъ я любилъ твои воспоминанья,  
 Какъ жадно я внималъ словамъ твоимъ  
 И какъ мечталъ о краѣ неизвѣстномъ!

Ты упилась симъ воздухомъ чудеснымъ,  
 И рѣчь твоя такъ страстно дышетъ имъ!  
 На цвѣтъ небесъ ты долго наглядѣлась  
 И цвѣтъ небесъ въ очахъ намъ принесла.  
 Душа твоя такъ ясно разгорѣлась  
 И новый огонь въ груди моей зажгла.  
 Но этотъ огонь томительный, мятежный,  
 Онъ не горитъ любовью тихой, нѣжной,—  
 Нѣтъ! Онъ и жжетъ, и мучитъ, и мертвитъ,  
 Волнуется измѣнчивымъ желаньемъ,  
 То стихнетъ вдругъ, то бурно закипитъ,  
 И сердце вновь пробудится страданьемъ.  
 Зачѣмъ, зачѣмъ такъ сладко пѣла ты?  
 Зачѣмъ и я внималъ тебѣ такъ жадно,  
 И съ устъ твоихъ, пѣвица красоты,  
 Пилъ ядъ мечты и страсти безотрадной?

#### КЪ МОЕМУ ПЕРСТНЮ.

Ты былъ отрытъ въ могилѣ пыльной,  
 Любви глашатай вѣковой,  
 И снова пыли ты могильной  
 Завѣщанъ будешь перстень мой.  
 Но не любовь теперъ тобой  
 Благословила пламенъ вѣчной  
 И надъ тобой въ тоскѣ сердечной  
 Святой обѣтъ произнесла;  
 Нѣтъ! дружба въ горькій часъ прощанья  
 Любви рыдающей дала  
 Тебя залогомъ состраданья.  
 О будь мой вѣрный талисманъ!  
 Храни меня отъ тяжкихъ ранъ  
 И свѣта и толпы ничтожной,  
 Отъ ѣдкой жажды славы ложной,  
 Отъ обольстительной мечты  
 И отъ душевной пустоты.

ЗИНАИДА ВОЛКОНСКАЯ И ЕЯ ВРЕМЯ.

Въ часы холоднаго сомнѣнья  
 Надеждой сердце оживи,  
 И если въ скорбяхъ заточенья  
 Вдали отъ Ангела любви  
 Оно замыслить преступленье...  
 Ты дивною силою украти  
 Порывы страсти безнадежной  
 И отъ груди моей мятежной  
 Свинець безумства отврати.  
 Когда же я въ часъ смерти буду  
 Прощаться съ тѣмъ, что здѣсь люблю,  
 Тогда я друга умолю,  
 Чтобъ онъ съ руки моей холодной  
 Тебя, мой перстень, не снималъ  
 Чтобъ насъ и гробъ не разлучалъ.  
 И просьба будетъ не бесплодна:  
 Онъ подтвердитъ обътъ мнѣ свой  
 Словами клятвы роковой.  
 Вѣка промчатся и, быть можетъ,  
 Что кто-нибудь мой прахъ встревожитъ  
 И въ немъ тебя отроетъ вновь  
 И снова робкая любовь  
 Тебѣ прошепчетъ суевѣрно  
 Слова мучительныхъ страстей,  
 И вновь ты другомъ будешь ей,  
 Какъ былъ и мнѣ, мой перстень вѣрной.

#### ЗАВѢЩАНІЕ.

Вотъ гласъ послѣдняго страданья!  
 Внимайте: воля мертвеца  
 Страшна какъ голосъ прорицанья.  
 Внимайте: чтобъ сего кольца  
 Съ руки холодной не снимали;  
 Пусть съ нимъ умрутъ мои печали  
 И будутъ съ нимъ схоронены.

Друзьямъ—привѣтъ и утѣшенье!  
 Восторговъ лучшія мгновенья  
 Мною были имъ посвящены.  
 Внимай и ты, моя богиня!  
 Теперь души твоей святиня  
 Мнѣ и доступнѣй и яснѣй—  
 Во мнѣ умолкнулъ гласъ страстей,  
 Любви волшебство позабыто,  
 Исчезла радужная мгла,  
 И то, что раемъ ты звала,  
 Передо мной теперь открыто.  
 Приблизься! вотъ могилы дверь,  
 И все позволено теперь—  
 Я не боюсь суждений свѣта  
 Теперь могу тебя обнять  
 Теперь могу тебя лобзать,  
 Какъ съ первой радостью привѣта  
 Въ раю ликъ Ангеловъ святыхъ  
 Устами чистыми лобзали  
 Когда бы мы въ восторгѣ ихъ  
 За гробомъ сумрачнымъ встрѣчали...  
 Но эту рѣчь ты позабуди—  
 Въ ней тайный ропотъ изступленья:  
 Зачѣмъ холодныя сомнѣнья  
 Я вылилъ въ пламенную грудь?  
 Къ тебѣ одно, одно моленье—  
 Не, забывай... Прочь увѣренья!  
 Клянись... Ты вѣришь, милый другъ,  
 Что за могильнымъ симъ предѣломъ  
 Душа моя простится съ тѣломъ  
 И будетъ жить какъ вѣчный духъ,  
 Безъ образовъ, безъ тьмы, безъ свѣта  
 Однимъ нетлѣніемъ одѣта.  
 Сей духъ, какъ вѣчно бдящій взоръ,  
 Твой будетъ спутникъ неотступный  
 И если памятью преступной

Ты измѣнишь... Бѣда! съ тѣхъ поръ  
 Я тайно облекусь въ укоръ,  
 Къ душѣ прилипну вѣроломной,  
 Въ ней пищу мщенія найду,  
 И будетъ сердцу грустно, томно,—  
 А я какъ червь не отпаду.

### И. В. КИРЪЕВСКІЙ.

Средь жизни холодной, средь жизни пустой,  
 Средь мертваго круга всеневныя прозы,  
 Какъ сонъ, какъ поэта живая мечта,  
 Отраднo явилась она предо мною.  
 Къ ней сердце летѣло, къ ней звуки неслись.  
 И въ пѣсню восторга ужъ стройно сливались,—  
 Но мимо видѣнье, на мигъ озаривъ  
 Мнѣ душу сіяньемъ, въ край лучшей умчалось  
 Какъ сонъ, какъ поэта живая мечта.  
 И первая пѣсня ей въ даръ зазвучала  
 Послѣднимъ, печальнымъ, сердечнымъ: прости!  
 Лишь думу о ней я, какъ мощи святыхъ,  
 Съ любовью и вѣрой въ ту раку кладу,  
 Что память сковала изъ лучшихъ мгновеній,  
 Богато усыпавъ огнистой игрой  
 Блестящихъ, несбыточныхъ, чистыхъ мечтаній.

### И. И. КОЗЛОВЪ.

Я—арфа тревоги, ты—арфа любви.  
 И радости мирной небесной;  
 Звучу я нагѣвомъ мятежной тоски,—  
 Миль сердцу твой голось чудесный!

Я здѣсь омрачаюсь земною судьбой,  
 Мечтами страстей сокрушенный,  
 А ты горишь въ небѣ прекрасной звѣздой,  
 Какъ ангелъ эфирный, нетлѣнный!

\*  
\*

Мнѣ говорятъ: „Она поетъ,  
 „И радость тихо въ душу льется,  
 „Раздумье темное найдетъ,  
 „Въ мечтаньи сладкомъ сердце бьется.  
 „И тихо, мило на зѣмли,  
 „Когда поетъ она—милѣ,  
 „И пламеннѣй огонь любви.  
 „И все прекрасное святое!“

А я, я слезъ не проливалъ,  
 Волшебнымъ голосомъ плѣненный,  
 Я только помню, что видалъ  
 Пѣвицы образъ несравненный.

И помню я, какимъ огнемъ  
 Сіяли очи голубыя,  
 Какъ на челѣ ея младомъ  
 Вилися кудри золотыя!

И помню звукъ ея рѣчей,  
 Какъ помнять чувство дорогое  
 Онъ слышится въ душѣ моей,  
 Въ немъ было что-то неземное.

Она, она передо мной,  
 Когда таинственная лира  
 Звучить о пери молодой  
 Долины свѣтлой Кашемира.

Звѣзда любви надъ ней горитъ,  
 И—станъ охваченъ пеленою,—  
 Она эфирная летитъ,  
 Чуть озаренная луною.

Изъ лилій съ розами вѣнокъ  
 Небрежно волосы вѣнчаетъ,  
 И локоны ея взвѣваетъ  
 Душистой ночи вѣтерокъ.

## Н. А. НЕКРАСОВЪ.

(Изъ поэмы „Русскія женщины“.)

. . . . .  
 . . . Я скоро въ Москву прискакала,  
 Къ сестрѣ Зинаидѣ. Мила и умна  
 Была молодая княгиня.  
 Какъ музыку знала! Какъ пѣла она!  
 Искусство ей было святыня.  
 Она намъ оставила книгу новелль,  
 Исполненныхъ граціи нѣжной,  
 Поэтъ Веневитиновъ стансы ей пѣтъ,  
 Влюбленный въ нее безнадежно;  
 Въ Италіи годъ Зинаида жила  
 И къ намъ—по сказанью поэта—  
 „Цвѣтъ нѣжнаго неба въ очахъ принесла“.  
 Царица московскаго свѣта,  
 Она не чуждалась артистовъ,—житье  
 Имъ было у Зины въ гостинной;  
 Они уважали, любили ее  
 И сѣверной звали Коринной...

Поплакали мы. По душѣ ей была  
 Рѣшимость моя роковая;  
 „Крѣпись, моя бѣдная! Будь весела!  
 „Ты мрачная стала такая.  
 „Чѣмъ мнѣ эти темныя тучи прогнать?  
 „Какъ мы распростимся съ тобою?  
 „А вотъ что! ложись ты до вечера спать,  
 „А вечеромъ пиръ я устрою.  
 „Не бойся! Все будетъ во вкусъ твою,  
 „Друзья у меня не повѣсы,  
 „Любимыя пѣсни твои мы споемъ;  
 „Сыграемъ любимыя пьесы...“  
 И вечеромъ вѣсть, что пріѣхала я  
 Въ Москвѣ уже многіе знали,



Въ то время несчастные наши мужья  
Вниманье Москвы занимали...

. . . . .  
И сдѣлалась я „героинею дня“,  
Не только артисты, поэты—  
Вся двинулась знатная наша родня;  
Парадная дугомъ кареты  
Гремѣли; напудривъ свои парики,  
Потемкину ровня по лѣтамъ,  
Явились бывые тузы-старики,  
Съ отмѣнно учтивымъ привѣтомъ;  
Старушки статсъ-дамы былого двора  
Въ объятія меня заключали;  
„Какое геройство!... Какая пора!“  
И въ тактъ головами качали.

Ну, словомъ, что было въ Москвѣ повиднѣй,  
Что въ ней мимоѣздомъ гостило,  
Все вечеромъ съѣхалось къ Зинѣ моей:  
Артистовъ тутъ множество было,  
Пѣвцовъ итальянцевъ тутъ слышала я,  
Кто были тогда знамениты,  
Отца моего сослуживцы, друзья  
Тутъ были, печалью убиты.  
Тутъ были родные ушедшихъ туда,  
Куда я сама торопилась,  
Писателей группа, любимыхъ тогда,  
Со мной дружелюбно простилась:  
Тутъ были Одоевскій, Вяземскій; былъ  
Поэтъ вдохновенный и милый,  
Поклонникъ кузины, что рано почилъ  
Безвременно взятый могилой.

И Пушкинъ тутъ былъ...

. . . . .

Я слушала музыку грусти полна,  
Я пѣнію жадно внимала;

Сама я не пѣла,—была я больна  
 Я только другихъ умоляла:  
 „Подумайте: я уѣзжаю съ зарей...  
 „О пойте же пойте! Играйте!..  
 „Ни музыки я не услышу такой,  
 „Ни пѣсни... Наслушаться дайте!..

И чудные звуки лились безъ конца!  
 Торжественной пѣсней прощальной  
 Окончился вечеръ—не помню лица  
 Безъ грусти, безъ думы печальной!  
 Черты неподвижныхъ, суровыхъ старухъ,  
 Утратили холодъ надменный.  
 И взоръ, что, казалось на вѣки потухъ,  
 Свѣтился слезой умиленной...  
 Артисты старались себя превзойти,  
 Не знаю я пѣсни прелестнѣй  
 Той пѣсни—молитвы о добромъ пути,  
 Той благословляющей пѣсни...  
 О, какъ вдохновенно играли они!  
 Какъ пѣли!.. и плакали сами...  
 И каждый сказалъ мнѣ: „Господь васъ храни!“  
 Прощаясь со мной со слезами...

.....

